

Владимир Колганов

Западня для генерала

16+

Владимир Алексеевич Колганов

Западня для генерала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63642123

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99172-9

Аннотация

Этот роман завершает трилогию, две первые части которой представлены в книге «Охота на министра». Впрочем, главный герой упоминается и в романе «Палата № Z», но та история имеет весьма отдалённое отношение к реальным событиям. Роман написан по мотивам уголовного дела, возбуждённого несколько лет назад против сотрудников одного из управлений МВД. Автору пришлось многое домысливать – иначе трудно объяснить, почему заслуженный генерал внезапно впал в немилость. Фамилии и имена персонажей, а также большая часть описанных событий вымышлены, все совпадения случайны.

Содержание

Глава 1. Звезда на погоны	4
Глава 2. Однокашники	9
Глава 3. Таланты и покровители	17
Глава 4. От чистого сердца	24
Глава 5. Ося и судьба России	38
Глава 6. Софочка и Василиса	55
Глава 7. Дело Кошкина	64
Глава 8. Месть Идельсона	73
Глава 9. Закон и справедливость	79
Глава 10. На зоне	86
Глава 11. Ход конём	93
Глава 12. О пользе воздержания	101

Владимир Колганов

Западня для генерала

Глава 1. Звезда на погоны

Это утро было не похоже на другие. Вроде бы и снег такой же белый, как всегда, и мороз соответствует январской норме, однако Викулов не мог избавиться от ощущения, что предстоят неожиданные перемены – если не в погоде, то в его судьбе. К тому времени, когда вызвал Стрекалов, Егор уже приготовился к тому, что либо наградят за заслуги перед Отечеством, либо пошлют ко всем чертям. Но того, что случилось через несколько минут, он никак не мог предвидеть.

– Ну что, Егор, не надоела ещё тебе полковничья должность?

Этими словами глава Следственного комитета встретил Викулова, даже не позволив ему открыть рта. В голове мелькнула мысль: «ну вот, я так и знал!» Но тут же мысль куда-то улетучилась, будто бы её и не было. Всё потому, что надо что-то отвечать, а что тут скажешь, если не в состоянии сообразить, куда он клонит и какой сюрприз или какую пакость заготовил. Да от начальства всего можно ожидать!

Понятно, что, оказавшись в подобной ситуации, любой мог бы лишиться дара речи. Вот и Егор только развёл рука-

ми, словно бы не успел прийти к окончательному выводу: должность начальника отдела вроде бы не надоела, но всё зависит от того, что Стрекалов может предложить.

– Ну ладно, ты садись. Разговор предстоит серьёзный, – Стрекалов указал на стул, а затем продолжил: – Тут вот какое дело. Был я вчера у Первого, докладывал об успехах Комитета за последний квартал. Он остался доволен, но потребовал, чтобы мы не снижали темпов борьбы с коррупцией. И тут зашла речь о тебе... Вспомнили о деле с махинациями в министерстве обороны, которое ты раскрутил, да и к разоблачению министра экономики имел прямое отношение.

– В деле Аникеева нет моей заслуги, – возразил Викулов. – Там другие постарались.

– Не скромничай! – улыбнулся генерал. – Важно, что Первый тебя помнит и более того – он предложил использовать твои способности более эффективно.

– Это как?

– Ты не торопись, дослушай. Проблема в том, что коррупция растёт невиданными темпами. Что ни день, ловим чиновников на взятках, но это дилетанты, «лохи», а те, что поумнее, редко попадаются. Понятно, что многое зависит от МВД, однако там привыкли работать по старинке, надеются на агентуру, да ждут, когда кто-нибудь настроит донос. Так было и в деле с министерством обороны. Но если рассчитывать только на удачу, мы через несколько лет страну профукаем! – тут Стрекалов, дав волю чувствам, стукнул кула-

ком по столу, а потом, немного успокоившись, продолжил: – Есть мнение, что работать надо на опережение. То есть не ждать, когда чиновник на чём-нибудь проколется, а самим выявлять тех, кто готов Родину продать за пачку долларов.

– Оперативный эксперимент?

– А больше ничего другого нам не остаётся! ФБР давно уже использует провокацию, ловит и обычных взяточников, и даже тех, кто государственные секреты продавал. Так вот, пора бы и у нас активно эти методы внедрять. Как тебе такой расклад?

Стрекалов внимательно посмотрел на Викулова, а тот молчал, не зная, что сказать. Всё потому, что уже понял – неспроста генерал затеял этот разговор, решение принято и ждёт его дальняя дорога. Тут уже без разницы – либо отправят участковым на Камчатку, если попытается послушаться, либо придётся взять под козырёк и заниматься организацией оперативно-розыскной работы. В конце концов, какая разница, где ему служить – была бы Родина... Подыгрывая главе СК, Егор попытался возразить, но как бы нехотя, не особо напрягаясь:

– Так ведь, Аристарх Игнатьевич, проведение оперативных экспериментов это задача МВД.

– В том-то и дело, что они там не справляются, – сокрушался генерал, – Ясно, что толковых кадров не хватает. А ты у нас даже Аксельборга с Докутовичем смог разговорить, втёрся, так сказать, в доверие.

– Ну, это не без помощи Элен.

– Вот-вот, у вас уже профессиональный дуэт в семье сложился. Это очень кстати... Ладно, не буду ходить вокруг да около. Первый предложил назначить тебя начальником управления по экономической безопасности в МВД. Должность эта генеральская, поэтому он готов присвоить тебе это звание досрочно. Так как?

Полковник без году неделя, а тут сразу генерал-майор... Другой бы на его месте готов был руки целовать Стрекалову, но почему-то у Егора возникло ощущение, что, согласившись, сам ползет в петлю головой. Ещё утром что-то подобное предвидел, ну а теперь окончательно сбылось. Надо бы посоветоваться с Элен, однако Стрекалов не позволит – ему бы поскорей доложить о выполнении приказа, а то, что судьбу человека невзначай ломает, это ему наверняка без разницы.

Стрекалов словно бы подслушал этот безмолвный разговор Викулова с самим собой:

– Я понимаю, Егор, что для тебя это трудное решение. Да и я, признаться, не в восторге, потому что жаль терять толкового следака. Но ведь и ты пойми – все под Богом ходим, – он мотнул головой на портрет, висевший за его спиной.

Есть аргументы, которые невозможно опровергнуть. Это что-то вроде аксиомы, не требующей доказательств, – остаётся лишь принять её, как данность, и постараться сохранить хотя бы малую толику своего достоинства.

– Так мне когда приступить в работе?

– Неделя тебе, чтобы передать дела, а за это время всё, как положено, оформим, – и уже вдогонку: – Да, и не забудь генеральский мундир себе пошить.

Как водится, оформление документов немного затянулось, но это не беда – тем временем Егор успел ознакомиться с кадровым составом управления, которое предстоит возглавить, и был приятно удивлён, обнаружив знакомую фамилию. С Балясниковым служили вместе ещё в Питере, раскрыли немало сложных дел, так что лучшего кандидата на место заместителя, похоже, не найти.

Глава 2. Однокашники

Балясников, окончив Высшую школу милиции, начал службу рядовым опером в районном «угро», но долго там не засиделся. В первый же год он принял участие в раскрытии полутора десятков тяжких преступлений, был ранен при задержании опасных преступников, награждён грамотой за проявленное мужество и после этого по решению руководства ГУВД переведён в отдел по борьбе с организованной преступностью. Надо признать, что Балясникову, как никому другому, удавалась роль агента под прикрытием – его принадлежность к уголовному миру не вызывала сомнения ни у наркодельцов, ни у продавцов оружия. Видимо, склонность к перевоплощению – это от природы, и начальство ценило в нём именно такое качество. К тому времени, когда Викулов возглавил ГУЭБ, Балясников стал признанным авторитетом в разработке сложнейших оперативных комбинаций. Ну а знакомство их состоялось ещё в начале карьеры – работая следователем прокуратуры, Викулов вёл несколько дел, к раскрытию которых приложил руку Балясников. Это сотрудничество продолжилось и после того, как оба занялись расследованием преступлений в кредитно-финансовой сфере. Особо значимым делом в их карьере стала ликвидация ОПГ, занимавшей изготовлением поддельных денежных знаков в огромных масштабах – за это Викулов и Балясни-

ков получили правительственные награды и были повышены в звании. Однако затем пути их разошлись, каждый трудился на своём участке работы, и вот теперь судьба снова свела следака и опера. Впрочем, Викулову предстояло всё как бы начинать сначала, но уже в новой должности, да и Балясников уже не внедрялся в ОПГ, занимаясь лишь организацией работы оперативных подразделений, находившихся в его подчинении. И понеслось!

Первой успешной операцией стало разоблачение сговора руководителя одного из департаментов Минсельхоза с директорами коммерческих компаний. Речь шла о фиктивных договорах на поставку оборудования для заводов, производящих спирт. Роль одного из заказчиков сыграл сотрудник управления, переговоры были зафиксированы на видео, а дальнейшее уже было делом техники.

В ходе следствия выяснились любопытные обстоятельства. Дело в том, что поставка оборудования осуществлялась через посредническую фирму, находившуюся под контролем министерства, а одним из её руководителей был брат министра. Всё сходилось на том, что организатором аферы и была Алёна Винник, занимавшая министерский пост, однако взять её в оперативную разработку можно было только с разрешения руководства МВД. Одно дело следователь – он имеет право допрашивать вероятных подельников министра, но организовать слежку, прослушивание телефонных разговоров и просмотр её электронной почты... Стоило об

этом заикнуться, как последовал категорический запрет. Ну а когда Викулов представил начальству протоколы допросов уже арестованных фигурантов, которые заявляли, что ничего не делали без ведома министра, тут Новосельцев намекнул на возможность появления приказа о неполном служебном несоответствии:

– Тебе же ясно сказано, что эту мадам не надо трогать.

– Но почему? Министр обороны куда более значимая величина...

– Ну ты же знаешь, по поводу Федюкина была отмашка из Кремля. Сняли его с должности, вот и будь доволен. Тебе слава и почёт за то, что избавились от проходимцев в министерстве обороны, но если каждого министра отдавать под суд, представляешь, какой вой на Западе поднимется? Короче, плюнь и забудь!

– Но у меня остались к ней вопросы...

– Ладно, можешь допросить... Но только в качестве свидетеля!

Вечером сидели с Балясниковым на кухне и пили горькую. Понятно, что настроение было ниже среднего – такое перспективное могло быть дело, а тут...

– Да брось, Егор! На наш век министров хватит, ещё не одного уроем. Вот ведь Аникеева тебе удалось прижать, моет теперь срок...

– Там другое дело. Там он кое-кому не угодил, потому и дали делу ход. А тут прожжённую воровку приказали пере-

вести в разряд свидетелей. Когда же они поймут, что так коррупцию не искоренить?

– А ты всё ещё надеешься?

Викулов ничего не сказал, только посмотрел на друга так, что было ясно – проблемы выбора в такой ситуации для него не существует. Всё дело в том, что без веры в справедливость никак не обойтись. Пусть это наивная вера, однако не в его характере только и делать, что уступать давлению и выполнять распоряжения начальства. Если отпустить на волю мошенников и воров, тогда... Тогда просто перестанешь уважать себя. Впрочем, об этом не раз уже говорили, поэтому и промолчал.

– И всё-таки не понимаю, почему такое снисхождение? – недоумевал Балясников. – Ну с Федюкиным понятно... Как никак зятёк заместителя премьера. А тут?

– Снегоход и горные лыжи.

– Ты о чём?

– Разве не знаешь, почему все министры ещё лет двадцать назад встали на лыжи, ну а теперь у них новое увлечение, коньки.

– Думаешь, для того, чтобы быть поближе к Первому?

– Ну сам представь, легко ли тебе будет возбудить уголовное дело против партнёра по преферансу или соседа по дачному кооперативу?

Балясников задумался.

– Да уж, задача не из простых... Особенно, если семьями

знакомы.

– Вот и получается... Если у министра такие увлечения, его под суд не отдадут. Обругают, да и пошлют на все четыре стороны!

– Говорят, у неё поместье на французской Ривьере. Так что ей всё по фигу.

Позже, уже после того, как Балясников ушёл, Викулов обсудил эту тему со своей женой. Та возмущалась распространением коррупции среди высшего чиновничества.

– Видишь ли, Элен, деловой человек никогда не пойдёт на госслужбу ради зарплаты и солидных бонусов. Нет, ему этого будет недостаточно. Вот если появится возможность получить дополнительный доход, причём необлагаемый налогом, тогда он будет из кожи вон лезть, только бы заслужить благосклонность своего начальства и сохранить прибыльную должность.

– Неужели всё так плохо?

– Так уж устроен этот мир.

– Тогда брось всё это! Я давно тебе предлагала создать частное детективное агентство. Да с твоими талантами...

– Нет, милая, это занятие не для меня.

– Мечтатель! Надеешься что-то изменить?

Когда такой вопрос задает самый близкий человек, приходится отвечать, причём правдиво, без всяких экивоков:

– А что ещё мне остаётся?

В сущности, так оно и было, поскольку времени на фило-

софские споры не оставалось – одно крупное дело следовало за другим. Вот и теперь, не успел погоревать по поводу того, что не удалось прищучить мадам Винник, как поступило распоряжение срочно заняться подрядными организациями, строившими олимпийские объекты в Сочи. Сроки сдачи объектов были сорваны, да и само проведение Олимпиады оказалось на грани срыва, а всё потому, что воровали, причём по-крупному.

Работали практически без сна и отдыха. А как иначе, если Новосельцеву то и дело трезвонят из Кремля? В основном, корпели над документацией, и факты мошенничества удалось установить в кратчайший срок. В Кремле были довольны, ну и, конечно, всё сотрудники ГУЭБ радовались успеху, да и премия за быстрое раскрытие преступления была обещана немалая. Но к этой радости примешивалось сожаление, поскольку дело приказали передать в прокуратуру, хотя не на все вопросы удалось найти ответ.

Викулов с самого начала подозревал, что такие крупные хищения невозможно осуществить без помощи опытного жулика, сидящего в правительстве. И вот в процессе дознания стала вырисовываться фигура Валуева – именно он курировал строительство сочинских объектов. Однако попробуй к вице-премьеру подступиться – сразу получишь по рукам! И дело не только в том, что он тоже увлекался горнолыжным спортом. Парадоксальная ситуация – человек своими действиями, будь в них умысел или преступная халат-

ность, наносит ущерб государству, но благодаря искусству менеджмента, которым Валуев владеет в совершенстве, экономика растёт, и эффект от этого роста гораздо более значителен, чем потери от его преступных действий. Причём, корысть вице-премьера ещё надо доказать, а то ведь пока нет ничего конкретного, одни догадки.

Один раз он уже попытался добраться до Валуева – в то время ещё в Следственном комитете служил. Тогда с помощью Элен удалось обнародовать сведения о зарубежных активах вице-премьера, но тот вывернулся – передал наиболее крупные активы в доверительное управление, а всё остальное переписал на свою жену, оставив себе только подержанный «феррари», да московскую квартиру. Викулову то дело вышло боком, но он не хотел об этом вспоминать – как-то обошлось, причём без понижения в звании и других огорчительных последствий. По сути, ему только намекнули, причём весьма оригинальным способом, чтобы не борзел, не зарывался. Обычно в таких случаях фабриковали дело на основе ложных показаний, могли припугнуть жену или устроить дорожную аварию. Но тут решили только надавить на психику – видимо, решили, что не гоже избавляться от ценного работника, когда в стране разгул коррупции, по сути, полный беспредел.

Вывод тогда он сделал однозначный: не надо лезть туда, куда не просят, то есть не имея на то указания начальства. Этого правила он и придерживался вплоть до перехода в

МВД, но с тех прошли два года и постепенно он стал забывать о принятом решении и вот теперь словно бы закусил удила или, что называется, попёр как танк, не выбирая дороги. Если б знал, к чему всё это приведёт, тогда бы послушался совета Элен и ушёл на вольные хлеба.

Глава 3. Таланты и покровители

Вряд ли найдётся такой чудак, который, не смотря ни на что, продолжает верить, будто успешную карьеру можно сделать благодаря таланту и усердию. Теперь уже многие понимают, что без покровителя никак не обойтись, и дело не в том, что настали смутные времена – так было всегда, особенно, если вовлечён в борьбу соперничающих кланов.

Викулов старался держаться подальше от придворных интриг, но после того, как надел генеральские погоны, тут хочешь не хочешь, а придётся выбирать. Иначе можно оказаться между двух жерновов – не успеешь оглянуться, как перемелют в мелкую труху. Вот потому и не стал строить из себя «девственницу», когда дружбу предложил Аркадий Савельевич Тортенберг. Причина даже не в том, что тот близок к Первому, однако умение сделать капитал буквально на пустом месте достойно уважения. Это вам не Фима Кайдановский – таких прохиндеев ещё поискать, редкий экземпляр! У Савелича всё было по-другому – к приватизации 90-х не имел никакого отношения, партнёров не подставлял, да и в уклонении от налогов не замечен. Всего-то и дел, что получал выгодные госзаказы, притом, что удивительно, выполнял всё качественно и в срок. Впрочем, удивляться нечему – Савелич был бы последней мразью, если бы не оправдал доверия, если бы подвёл под монастырь того, кому обязан всем

своим благополучием.

Понятно, что такая дружба открывала новые возможности: перефразируя известную поговорку, какой же генерал не хочет стать маршалом? На пост министра обороны Егор не претендовал, даже если предложат, отказался бы, а вот стать во главе МВД... Савелич в частных разговорах не раз жаловался на то, что Новосельцев не справляется – нерешителен, неинициативен, только и смотрит Первому в рот, да сосёт валидол в ожидании отставки.

– Короче, не по Сеньке шапка! А вот у тебя, Егор, инициативы сверх всякой меры, хоть отбавляй. Только ведь, если идти напролом, можно и голову сложить на поле битвы. Тут сталкиваются самые разные интересы – МВД, ФСБ, Следственный комитет, Генпрокуратура... У каждого ведомства своя территория, и если без спроса переступить некую границу, тогда мало не покажется, тогда и я не смогу тебе помочь. К примеру, Никанору Денисову до сих пор не простили, что раскрутил дело подмосковных прокуроров...

– Так ведь генералом стал, у Стрекалова он на хорошем счету. Думаю, не дадут его в обиду.

– Это всё до поры до времени, а стоит оступиться, и всё – съест его Генпрокуратура с потрохами и даже не подавится.

– Что ж, все под Богом ходим.

– Бог, он далеко, и многое зависит от того, как ему преподнесут компрометирующую информацию. Так что учти, если дорожишь головой... А то можешь оказаться у разби-

того корыта.

После такого вступительного слова обычно следовал рассказ о неких тонких обстоятельствах и убедительная просьба – по возможности не форсировать какое-то уголовное дело или спустить его на тормозах:

– Слышал, твои ребята под Храпова копают. Мелкая сошка, а ты дело хочешь завести. Егор, это же не свой уровень! Бери в разработку рыбу покрупнее, а я, если надо, подскажу.

Егор упирался:

– У меня с этим прохвостом давние счёты. Не могу его простить!

– Брось, Егор! Гнев – плохой советчик, да и плодить врагов ни к чему. А меня он пару раз прикрыл от неприятностей... Ну, допустим, где-то Храпов согрешил, так ведь и я не ангел. Всё потому, что в этом мире нельзя быть белым и пушистым. Как ни старайся, не получится! Поэтому будь добр, исполни мою просьбу.

Трудно отказать, когда просит человек, к которому испытываешь и уважение, и зависть. Егору никогда так не подняться, будь он хоть родным братом президенту. Да потому что голова устроена иначе! Но вот когда бездарь наваривает солидный капитал, раздавая взятки, тогда Егор готов идти до самого конца, чтобы отправить преступника на нары.

Позже удалось выяснить, что Савелич при поддержке Храпова избавился от конкурента, поубавил ему прыти. Егор на роль «решалы» не претендовал – не потому что кишка

тонка, но для него такое совмещение занятий категорически не допустимо. А вот Храпов смог! Из-за чего же возникла их вражда? Храпов, в то время глава Департамента экономической безопасности Следственного комитета, приказал Егору изъять из уголовного дела кое-какие свидетельские показания. Пришлось пожаловаться Стрекалову – тот поддержал своего любимца, а Храпов получил выговор. Вскоре он ушёл в бизнес – видимо, накопил приличный капитал, чтобы начать собственное дело. Однако обиду не забыл – в отместку попытался испортить жизнь Элен. Ей слали оскорбительные сообщения на имейл, а как-то позвонили из ритуального бюро с просьбой уточнить надпись на венке для покойного мужа. Мечь крайне примитивная, да и Элен относилась к таким кухонным разборкам достаточно спокойно, но Егор Храпова так и не простил, и когда появилась возможность отомстить, причём исключительно и только по закону, готов был завести уголовное дело. Если бы не попросил Савелич...

А вот интересно, Никанор Денисов смог бы откликнуться на просьбу избавить человека, преступившего закон, от наказания? Говорят, на том он и погорел, когда попытался «отмазать» подельника Сандро Чёрного, известного в Москве криминального авторитета. Ну как тут отказать, если предлагают миллион, и не в рублях, а в долларах? Впрочем, есть версия, что Денисов всего лишь исполнил указание своего начальника, генерала Дурманова, а из того миллиона ему досталось двести тысяч. По сути, здесь есть что-то общее –

Егор не смог отказать Савеличу, надеясь на его покровительство, ну а Денисов был всем обязан генералу. Понятно, что назначение на должность Денисов проплатил, ну а затем получал свою долю от неправедных доходов. Так бы и сидел до сих пор на нарах, если бы не дал показания на Дурманова – тут уж кто первый сдаст подельников, тот и может надеяться на снисхождение Фемиды.

В деле подмосковных прокуроров, «крышевавших» подпольные казино, всё было иначе. Дело в том, что во время следствия один из подозреваемых указал на сына тогдашнего генпрокурора – якобы он был участником этой аферы. Если это так, тогда понятно, почему Генпрокуратура мешала проведению следствия, а обратиться с просьбой к главе Следственного комитета генпрокурор посчитал ниже своего достоинства. Кстати, повод для развала дела был – не хватало доказательной базы, поскольку незаконно нажитые капиталы не найдены, контакты прокуроров с владельцами казино не зафиксированы. Остались лишь свидетельские показания, да убеждение в том, что нелегальные казино не смогли бы так долго работать, не будь у них покровителей в полиции и в прокуратуре. Вот если бы провели оперативный эксперимент, проще говоря, устроили бы провокацию под запись... Только ведь к прокурору так просто не подкатишь с предложением, мол, дорогой товарищ, хочу открыть подпольное казино в Мытищах, так не согласился бы ты стать моей «крышей»? Да, работника прокуратуры на мякине не

проведёшь, тут требуется время, чтобы наладить контакты и войти в доверие, а времени как раз и не хватает.

Вот и Егор с Балясниковым вряд ли могли бы рассчитывать на похвалу начальства за быстрое раскрытие преступлений, если бы полагались только на возможности, предоставляемые МВД. В трудных делах помогал «старший брат», ФСБ. В обязанности сотрудников управления «М», помимо выявления коррупционеров в правоохранительных органах, входило техническое обеспечение аналогичных операций, проводимых силами подразделения, которым руководил Викулов. Егор по-доброму завидовал их возможностям – тут и разнообразные устройства для «прослушки», и сверхминиатюрные видеокамеры. А уж когда возникала необходимость слежки за подозреваемым, без помощи «эмщиков» невозможно обойтись – хоть пять, хоть десять экипажей были готовы принять фигуранта в самых отдалённых районах Москвы. Ходили, впрочем, слухи, будто «эмщики» имели свой корыстный интерес, «крышуя» банки, которые занимались отмыванием нелегально нажитых денежных средств и выводом их за границу. Савелич предупреждал, что «эмщикам» нельзя доверять, мол, это может выйти Егору боком:

– Припомни, что произошло с зампредом Центробанка. Попытался прижать теневого банкира и за это жизнью заплатился.

– И при чём тут ФСБ?

– А ты сам подумай, голова садовая. Если через такие

банки прокачивают миллиарды, тут без солидной поддержки никак не обойтись. Да и соблазн велик, поэтому всегда найдутся люди, готовые продать честь мундира за солидный куш.

Однако желание поскорее усадить на скамью подсудимых очередного жулика пересиливало осторожность, да и чего бояться, если перед законом чист и к тому же имеешь такого покровителя? Ну а Савелича постарался успокоить:

– Я в их дела не лезу, мне своих проблем хватает. Вы же видите, что воровство среди чиновников буйным цветом расцветает, еле успеваем их ловить. Но чем больше ловим, тем больше новых проходимцев появляется. А у чекистов, у них свои задачи. С чего бы нам конфликтовать?

На самом деле, мысль о том, что коррупция среди штатских не может существовать без содействия людей в погонах, не давала Егору покоя. Что толку, если он будет жуликов ловить, а нечистые на руку чекисты будут сводить все его усилия на нет, плодя новых деловых и вороватых – с них можно взять солидную мзду за то, что имеют надёжную защиту от таких упёртых, несговорчивых, как он.

Глава 4. От чистого сердца

Однажды в приватной беседе Савелич упомянул фирму «Благо». Упомянул как бы между прочим, а начал разговор издалека:

– Я тут подумываю учредить благотворительный фонд. В последнее время это стало модно, а всё потому, что нажитым богатством делиться надобно. Кто знает, может, там примут во внимание, когда придёт и мой черёд? – и, усмехнувшись, указал на потолок. – Как ты к этому относишься?

– Да я не против, но от генеральской зарплаты много чего не отщипнёшь. И о безбедной старости надо позаботиться, а то ведь не успеешь оглянуться, как разжалуют в майоры и отправят участковым на Таймыр.

– Ну, до этого, надеюсь, не дойдёт. А вот присмотреться к некоторым фондам я бы посоветовал. Дело в том, что там, за бугром, они стали идеальной кормушкой для их учредителей. К примеру, фонд Клинтонов...

– Да, об этой афере я читал.

– Вот и дочь испанского монарха туда же вляпалась, и президент Кореи...

– Савелич, ты на что же намекаешь? Если копаться в благотворительных фондах РПЦ, так это без меня!

– Господи, Егор! Ну как ты мог подумать, что я способен поднять руку на святое? Да и намекать ни на что не собира-

юсь, – Савелич изобразил на лице притворный испуг, словно бы и впрямь пришлось защищаться от несправедливых обвинений. – Нет, всё гораздо проще. Я тут недавно узнал, что существует некий фонд, называется «Благо». Хотел воспользоваться их опытом, может быть, привлечь кого-то из сотрудников, а то ведь я в таких делах профан. Однако опасюсь, как бы не нарваться мне на жуликов... Может, ты об этом фонде что-то знаешь?

Дел и без того было невпроворот, но, если Савелич просит, надо бы помочь. Оказалось, что фонд учредил Михаил Прокопьевич Идельсон. Теперь это значимая фигура, ворочает миллиардами, а в то время его фирма оказалась на грани разорения. Но как же ему удалось стать одним из самых богатых жителей России?

В том, что Идельсон стал миллиардером вовсе не благодаря таланту изобретателя или менеджера, не было ничего удивительного. Такие люди, как Билл Гейтс или Джефф Бэзос, рождаются далеко не каждый год, ну а если талантом не наделил Господь, приходится искать иные способы, чтобы сделать себе миллиардное состояние. Конечно, и тут нужна определённая сноровка, умение находить общий язык с людьми, заводить полезные знакомства. В школе этому не учат, но при надлежащем усердии можно таким искусством овладеть. Среди тех, кто ворочает ныне миллиардами, есть немало людей, жизнь которых является примером подобного «подвижничества». Однако Егор не стал бы копаться в этом

грязном белье, если бы не крайняя нужда. А потому что начатое дело надо доводить до конца!

Прошло несколько недель после того, как Савелич рассказал о фонде «Благо», но Егор так и не смог найти ничего определённого. Последняя надежда – выйти на кого-то из тех нуворишей, что могут быть в курсе тёмных дел Михаила Идельсона. У них гораздо больше возможностей, чтобы получить компромат на конкурента, да и слухами Москва полнится, особенно, если кто-то из правительства готов поделиться информацией на взаимовыгодной основе. Но в том-то и дело, что ни к кому из них даже на пистолетный выстрел не подойдёшь – все из разряда неприкасаемых. Разве что появится возможность прижать, используя компрометирующие сведения, либо вызвать на откровенность каким-то иным способом.

Мансур Ардатов, пожалуй, сама тёмная и закрытая фигура из российских нуворишей. На нём с давних пор стоит печать бывшего зэка, что не прибавляет ему популярности за рубежом. Именно поэтому он крайне осторожен – не хочет сомнительными операциями ещё больше себе навредить. И всё же нет сомнения, что наверняка использует связи с криминалитетом, налаженные ещё в то время, когда отбывал свой срок. Единственное, что ему можно предъявить – это прошлые дела, по которым уже истёк срок давности. Словом, эту фигуру Викулов сразу же отмёл, как бесперспективную.

Следующим кандидатом на роль «осведомителя» был Ха-

сан Карданов. Этот Хасан с детства обожал считать. Считал всё – воробьёв, сидящих на проводах, количество съеденных за день виноградин, даже мух, нашедших успокоение на развешанных по комнатам липучках. В общем, считал всё без разбора. С возрастом эта страсть стала более осмысленной – особенно, после того, как он женился на дочке крупного деятеля из местной партноменклатуры и благодаря ему начал своё восхождение по карьерной лестнице. К началу 90-х он получил в своё ведение бухгалтерию довольно крупного завода, поэтому возможностей для счёта значительно прибавилось. Когда подули ветры перемен, возникли новые перспективы. Теперь он уже переключился на подсчёт акций предприятий, которые удалось прибрать к рукам. Методы тогда использовались варварские – молодые парни с бейсбольными битами и арматурой в руках захватывали предприятие, а вслед за ними приходили юристы и предъявляли судебное решение о переходе собственности в другие руки.

И всё же тут не было того размаха, о котором он всегда мечтал. Помогли новые знакомства, которые Хасан приобрёл после того, как перебрался в Москву – тут были и заместитель мэра по строительной части, и жена этого мэра, и один из руководителей крупного столичного банка. Но самым ценным приобретением стал Панкрат Валуев, в то время уже работавший в правительстве. С его подачи и удалось Хасану провернуть просто офигительную операцию! Залогом успеха стала сообщённая Валуевым информация о том,

что правительство намерено либерализовать рынок акций компаний с государственным участием. Хасан через подконтрольную фирму стал скупать акции «Газпрома», затем под залог этих акций брал кредит в том самом банке, где к нему относились с благосклонностью. А дальше следовало вполне естественное продолжение – кредиты банка использовались для покупки новых акций. В принципе, заложенные акции недопустимо продавать, однако, если они растут в цене, часть акций можно освободить из-под залога и снова взять под них кредит. Так и поступал Хасан, в итоге изрядно увеличив свой капитал благодаря повышению рыночной стоимости всемогущего «Газпрома». На вопросы завистливых коллег по бизнесу, которые и представить себе не могли, что подобное возможно, Хасан отвечал обычно так:

– Поверил в обещанную президентом либерализацию акций «Газпрома», вложил деньги и не ошибся.

Что ж, никому не запретишь верить в чудеса!

Следующей операцией Хасана стал захват, по сути, целого холдинга. Бывший работник МВД, некто Корнеев сколотил в 90-х немалый капитал, используя прежние связи в криминальной среде и в «органах». Однако, не желая «засветиться» раньше времени, оформил почти всё на подставных лиц. Это его и погубило. Хасан сумел договориться с большинством из его партнёров и в результате Корнеев остался не у дел, а когда-то принадлежавшие ему активы Хасан выгодно продал крупным воротилам бизнеса, с которыми успел

наладить связи. Судиться с бывшим владельцем пришлось уже им, а не Хасану. Впрочем, эта агрессивная манера ведения бизнеса чуть позже Хасану вышла боком. Ему ли не знать, что существует прямая, хотя, возможно, и мистическая связь между тем, как он обошёлся с бывшим эмвэдэшником Корнеевым, и той аварией, после которой несколько месяцев провёл в швейцарской клинике.

Случилось это на дороге между Каннами и Антибом, когда он гнал свой «кадиллак», не снижая скорости даже на поворотах, а его подруге захотелось вдруг заняться сексом. Всё произошло именно так, как в том анекдоте, который Хасан любил рассказывать в дружеской компании. Вдребезги разбитая машина. Раечка, выброшенная на дорогу. И он, чудом не лишившийся одной из самых важных частей своего тела. Вот до чего доводит секс на скорости под двести километров в час!

Было это мезтью обиженных им предпринимателей, если авария подстроена, или Аллах решил покарать за совершённые грехи руками шаловливой Раечки – этого Хасан не знал. Ясно было только то, что впереди его ждут немалые проблемы, однако не в бизнесе, а в том, что связано с физиологией. Поэтому, когда новая пассия заявила, что ждёт от него ребёнка, Хасан только усмехнулся и предложил расстаться по-хорошему.

Вскоре после описанных событий Хасан понял, что наряду с утратой прежних способностей в том, что касается его

отношения к другому полу, он начисто потерял кураж, который и помог ему когда-то создать целую империю. Теперь, что бы он ни делал, всё валилось из рук, любые начинания заканчивались для него плачевно. Тут и попытка создания футбольного клуба мирового уровня, и наезд прокуратуры на одно из его предприятий, и обвинения в монополизме, в попытке диктовать условия на рынке. Естественным итогом стало решение Хасана срочно распродать свои российские активы и вложить деньги в акции европейских банков и компаний. Это обещало столь необходимую передышку в делах, ну а дальше видно будет.

Все эти перипетии борьбы Хасана Карданова за место под солнцем интересовали Викулова лишь в той мере, в какой могли бы обеспечить ему выход на Идельсона – были у них кое-какие общие дела в бизнесе. Ну и что такого уникального он раскопал в биографии Хасана? Обычный набор методов, которым мог воспользоваться любой алчущий гражданин России, был бы начальный капитал и связи, без которых не обойтись в серьёзном деле.

Так вот о связях. Среди них Викулов отметил близкое знакомство с Резвиным из московского правительства. Ходили слухи, что именно он свёл Василису с министром обороны Аркадием Федюкиным. Заинтересовало его и то, что Хасан финансировал партию Рогожина накануне выборов десять лет назад. Обратил внимание Викулов и на то обстоятельство, что земельные участки в Подмосковье, которые Федю-

кин продавал, как собственность военного министерства, на самом деле принадлежали компании Хасана. Но тут скорее уж можно было бы ожидать компромата на Федюкина, если Хасан до сих пор не простил ему такую наглость. Впрочем, там всё по-тихому уладили, ну а Федюкин – это уже отыгранный материал. Есть акулы в грязном бизнесе гораздо привлекательнее!

Единственный перспективный вариант – это выйти на того Корнеева, которого Хасан так ловко объегорил, лишив большей части капиталов. Авария на дороге из Антиба в Канны явно не была случайной – тем более, что случилось всё через два года после окончания судебных тяжб Корнеева с новыми владельцами его компаний. Время достаточное, чтобы накопить злобу и подготовиться, а связи в «органах» и в криминальных кругах наверняка в этом деле помогли. Не исключено, что результаты аварии вполне Корнеева удовлетворили – можно представить, с каким восторгом он пересказывал слухи о том, что Хасан отныне в личной жизни обязан соблюдать умеренность и осторожность, чтобы окончательно себе не навредить. А тут вдруг к нему явится следователь, опишет призрачную перспективу заключения Хасана под стражу, но только в том случае, если у Корнеева есть компромат на своего давнего обидчика. А если ничего такого у Корнеева никогда и не было?

В итоге Викулов пришёл к выводу, что Ардатов и Карданов – это не те фигуры, которые могут представить интерес.

Оба они слишком увлечены бизнесом, чтобы размениваться на интриги. Совсем другое дело – Губерман! Сам по себе путь от мелкого фарцовщика до обладателя миллиардного состояния был вполне типичен для эпохи 90-х, однако есть в биографии Осипа Григорьевича обстоятельства, к которым стоило бы приглядеться повнимательнее.

Насколько понял Викулов, прочитав те материалы, которые удалось достать, Ося с детства жил в атмосфере лицемерия. С одной стороны, отец вроде бы убеждённый коммунист, исправно изучал за завтраком, что пишут в утреннем выпуске газеты «Правды», не пропустил ни единой демонстрации по случаю очередного юбилея Октября. С другой стороны, воспитывали Осю так, будто он рос в некоей местечковой среде, где царили законы, словно бы позаимствованные из тех времён, когда Моисей ещё блуждал в поисках земли обетованной. В сущности, тут нет ничего странного – каждый приспособливается к жизни так, как может, а если окружающий мир его не радует, то замыкается в себе. Только бы не забыть при этом надеть маску послушания ненавистному режиму.

Эту маску Ося время от времени снимал – но только тогда, когда занимался делом, которое доставляло ему истинное удовольствие. Уже когда перебрался в Москву и поступил в институт, одним из его увлечений стала спекуляция билетами в Большой театр, на Таганку, а иногда и в «Современник». Видели его и на Кузнецком мосту, где из-под полы

втридорога продавал томики Цветаевой и Пастернака. Случалось, в качестве оплаты предлагали чеки Внешторгбанка, поэтому удавалось одеться по последней моде – во всяком случае, с джинсами из «Берёзки» у него не было проблем.

По-настоящему развернуться удалось только с началом перестройки. Компьютеры на российском рынке только-только появились, и на их продаже немало оборотистых людей заработали себе капитал, который мог бы стать основой для более доходных операций. В те годы Ося не брезговал ничем – он ощущал себя покорителем диких, неосвоенных просторов, а потому соображения морали его ничуть не беспокоили. Именно тогда в Москве ходила по рукам справка, из которой следовало, будто Осина фирма участвовала в переправке опиума, который шёл в Россию из Юго-Восточной Азии, из «Золотого треугольника». Будто бы наркоту они прятали в мешки то ли с сахаром, то ли с крупой. Викулов эту справку читал, однако других материалов не было, поэтому он склонялся к выводу, что всё это не более чем поклёп, возведённый на Осю его конкурентами и недоброжелателями.

Уже тогда, в самом начале 90-х, Ося понял, насколько важно иметь в министерстве по внешним связям родного человека, который бы направлял деятельность его фирмы и поддержал при случае. Такого человека он нашёл, и долгое время благодаря ему фирма процветала, регулярно получая заказы на поставку продовольствия в обмен на нефть. Когда

Рядков вошёл в состав правительства, для Оси и вовсе наступили золотые дни. Не без труда и не без некоторых потерь нравственного свойства ему удалось то, о чём давно мечтал – наложить лапу на лакомый кусок нефтяного пирога!

Превращение торговой фирмы в могущественную корпорацию произошло после того, как удалось наладить контакты с солидными людьми на Западе. Их опыт воздействия на власть, лоббирования собственных интересов был весьма полезен. Именно тогда Ося и его партнёры стали понемногу подтягивать к себе поближе депутатов – причём самых разных убеждений и партийности. Кто знает, как всё повернётся, а тут наготове есть нужный человек, который обладает влиянием на происходящие процессы. Поговаривали, что с помощью своих людей в кремлёвских кабинетах Осе удалось выгнать из России Басинского – уже тогда Ося облизывался, глядя на его медиа-империю. Поговаривали и о том, что он приложил руку к делу ЮКОСа, однако Викулов и здесь видел нестыковку. Подталкивая власть к принятию жёстких мер по отношению к одному из нуворишей, Ося и сам многим рисковал. Что если бы они вошли во вкус и захотели прибрать к рукам и его нефтяную корпорацию?

Впрочем, так оно и произошло в итоге. Бизнес-сообщество было шокировано этой новостью – ведь кур, несущих золотые яйца, ни при каких условиях не продают! Ну разве что владельцу этого курятника предъявили некий компромат – тогда ещё как-то можно объяснить его сговорчи-

вость. И вот совсем недавно в прессе промелькнуло сообщение, будто Осип Губерман спонсировал одного из злейших врагов действующей власти. Речь шла о некоем разоблачителе нечистых на руку чиновников, который своими заявлениями кое-кого уже достал. Участие Губермана в этом деле не ограничилось деньгами – он даже выделил в помощь этому засранцу Неваляеву одного из своих топ-менеджеров, Шнуркова, который поднаторел в составлении программных заявлений и прочих документов. Сам-то «разоблачитель» не отличался большой грамотностью и брал больше криком, а не красноречием и логикой. Викулову удалось достать фрагмент записи разговора Шнуркова с Леонидом Неваляевым, по времени относившийся к началу их совместной деятельности:

– Леня, привет! Сегодня встречался с Губерманом, тот в принципе не возражал против моего участия. То есть в тебе он заинтересован, как в наиболее адекватном деятеле протестного движения.

– Это радует!

– Ещё он мне сказал, что можем гнобить всех, за исключением нескольких чиновников, с которыми он тесно связан. В первую очередь надо сосредоточиться на людях, которые являются надёжной опорой для Кремля. Остальных пока не будем трогать.

– Да всю эту шоблу не только по судам затаскать, их убивать надо!

– Ну в общем, он готов неофициально поддержать. Если дойдёт дело до суда, обещал юридическую помощь.

– А как насчёт компромата?

– Мне тут один из наших подкинул информацию. Хочу на выходные почитать, потом тебе это перешлю.

– Жду с нетерпением!

– Лёнь, я вот что ещё хочу сказать. Это касается не только наших взаимоотношений, но и твоего будущего в качестве политика.

– Весь внимание!

– Видишь ли, среди нынешней бизнес-элиты есть немало людей, которые не в восторге от власти, но вынуждены с ней сотрудничать. В принципе, они готовы поддержать оппозицию, однако не видят у неё достойных лидеров. Твоя первая задача – попытаться завоевать умы этой элиты. Ну а потом либо сам войдёшь во власть, либо консолидируешь всю оппозицию под своим началом и сможешь влиять на то, что происходит.

– Ладно, я подумаю.

Судя по всему, эта запись сыграла решающую роль. В итоге Ося предпочёл расстаться с нефтяной компанией в обмен на некий, вполне приличный денежный эквивалент и обещание не принимать к нему тех действенных мер, которые вынудили бежать на Запад и Басинского, и Кайманского. Последнего – после десяти лет, которые он провёл на нарах. Впрочем, к отъезду из страны Ося был давно готов, и все его

деловые интересы были теперь там, в Европе.

Глава 5. Ося и судьба России

Вот к этому «жирному коту», Осе Губерману, и нужно было найти подход. Если он Неваляева смог обеспечить компроматом на чиновников и депутатов, так наверняка знал кое-что весьма конкретное и про Идельсона.

Но вот вопрос: почему не захотел «сдать» Неваляеву одного из заместителей премьера? Если бы Неваляев получил компромат на Валуева, он бы от радости прыгал аж до потолка! Видимо, Ося просто не успел или отказ от этого разоблачения стал условием сделки по продаже нефтяной компании, то есть условием того, что обойдётся без огорчительных для него последствий. Не исключено и то, что Ося не хотел подводить Ардатова, с которым был в близких отношениях. И всё же наиболее логичный вывод в том, что Губерман с Валуевым – в одной упряжке. Тут и общие интересы в бизнесе, и желание ослабить властную вертикаль. Но самое главное – Валуев именно тот человек, на которого можно сделать ставку в будущем. Ну чем не президент? Пусть эти Шнурковы, Неваляевы, Ленцовы делают своё дело, расчищают дорогу, однако в результате власть достанется не им. В пользу такого вывода говорило и то, что популярная среди оппозиционеров «Старая газета» тщательно оберегала имидж и Валуева, и Ардатова с Кардановым, и Губермана. Причём госчиновников «мочила», как могла, а вот Валуева не трогала. Ни-ни,

ни боже мой! То есть вообще никакого компромата! И даже скандал, связанный с чудесными обстоятельствами его обогащения, газета обошла как бы стороной. Да, несомненно, в их понимании Валуев – это перспективный «кадр», способный повернуть страну на тот путь развития, который им представляется единственно приемлемым. Тогда Губерману нет никакого смысла делиться компроматом на Валуева! А вот Идельсона может «сдать». Хотя бы потому, что тот облуживает одного из представителей властной вертикали!

И тут снова на сцене появляется Элен. Все эти свои задумки Егор от жены и прежде не скрывал, поскольку невозможно такое держать в себе, надо же иногда с кем-то поделиться. Недаром говорят, что один ум – хорошо, ну а два – уже гораздо лучше. Вот и теперь, выслушав Егора в очередной раз, Элен высказала неожиданную мысль: а что если ей познакомиться с этим Осей? Однако Егор этот вариант отверг:

– Милая! Зачем ты лезешь на рожон?

– Разве я тебя прежде подводила?

– И всё-таки не пойму, тебе что, адреналина не хватает?

– Егорушка! Во-первых, я хочу тебе помочь. Во-вторых, я, как и ты, ненавижу эту свору. Ну и потом, кто знает, может быть, в этом моё настоящее призвание?

Элен мило улыбнулась, как будто речь шла не о проникновении в окружение хитрого и коварного врага, а всего лишь о прогулке под ручку с галантным кавалером. В общем, понемногу она сумела Егора убедить. Предложенный ею план

был основан на знании психологии мужчин – понятно, что, познакомившись с очаровательной блондинкой, Ося не откажет себе в удовольствии с ней переспать, это и станет для него приманкой. Тут-то и наступит решающий момент – пока похотливый мужик пускает слюни, из него верёвки можно вить, так что Ося не задумываясь выложит информацию о проделках Идельсона. Ну а затем блондинка словно бы растворится в воздухе, как будто никогда её и не было. В способности Элен к перевоплощению Егор ещё прежде убедился, однако в предложенный ею план пришлось внести существенные коррективы. Тут важно обосновать интерес Элен к этому Мишане, и так всё убедительно обставить, чтобы у Оси не возникло никаких сомнений в «честности» её намерений.

Выйти на Губермана можно было через Раечку, звезду интернета и корпоративов, с которой он поддерживал приятельские отношения. Оба предпочитали тусоваться в ночных клубах, да и дома у неё Ося побывал не раз – прежде у них была довольно дружная компания. В роли сводни должна была выступить Василиса – этот мир и в самом деле оказался тесен, если иметь в виду завсегдатаев ночных клубов, презентаций фирм, производящих парфюм и нижнее бельё, а также различного рода перфомансов, которые устраивают бездари, весьма далёкие от живописи, театра и литературы. Ну а мысль использовать в этом деле связи Василисы возникла у Егора, когда та во время допроса как бы вскользь

упомянула о своём знакомстве с Раечкой. Тут уж всё сплелось в один клубок – и приятные воспоминания о буйном веселье до самого утра, и роман с Федюкиным, ныне уже бывшим министром обороны, и сожаление о том, что молодость прошла, и вот теперь в ожидании суда приходится сотрудничать со «следаком» в надежде добиться хоть какого-то снисхождения для себя. Так что Егору не пришлось долго уговаривать подследственную, мол, позвони Раечке, и тебе это зачтётся.

Начав с обычной дамской болтовни, Василиса умело подвела Раечку к нужной теме:

– Раечка! Одна моя очень хорошая знакомая мечтает познакомиться с Осей Губерманом. Говорит, что это её идеал.

– Да уж, у неё губа не дура! Наверное, уродина какая-нибудь?

– Нет, что ты! Очень эффектная блондинка, хотя, на мой взгляд, до тебя ей далеко. Так ты не могла бы ей помочь? Я слышала, у вас с Осей когда-то был роман, да и сейчас изредка встречаетесь.

– Ой, про меня чего только не говорят. Ну вот переспала с ним пару раз, а после этого чуть ли не в невесты записали.

– Раечка, дорогая, так я могу надеяться? Это тебе ничем не повредит?

– Да ради бога! Мне он совершенно ни к чему. Всё, что надо было, я уже с Оси поимела... Ладно, я тебе перезвоню.

Раечка своё обещание выполнила – встреча была назначе-

на в «L-клубе» на следующий день, ближе к вечеру. Похоже, она так расписала Осе свою новую подругу, что тот буквально «воспылал». Не исключено, что и Раечка рассчитывала кое-что получить за свои услуги. Ну а Элен пришлось срочно договариваться с начальством о неделе отпуска за свой счёт по семейным обстоятельствам – после изнуряющих ту-совок по ночным клубам ничего другого не останется, как отсыпаться днём. Пожалуй, неделя – это крайний срок, поскольку дольше водить за нос Осю вряд ли представится возможность.

Нет смысла говорить о том, что Ося и в самом деле остался доволен новым своим приобретением. Он сразу понял, что Элен не из тех, кто после первого свидания позволит за-тащить себя в постель. Это как раз и возбуждало! В отличие от того же Проши Хороводова, Ося был весьма разборчив в выборе девиц. Прохора только разница в росте привлекала – уж так он любил порезвиться с «недомерками»! Если бы оказался в компании с лилипутами, наверное, был бы вне себя от счастья.

Итак, всё шло своим чередом – пустые разговоры ни о чём, пикантные анекдоты, истории из светской жизни. Надо сказать, что Элен, готовясь к этой встрече, много чего узнала про личную жизнь нынешней элиты, про то, чем интересуется бомонд, так что вполне могла поддержать подобный разговор. Ося то и дело повторял:

– Как же это я вас раньше не заметил! Где же вы прежде

от меня скрывались?

Элен умело уходила от ответа на вопрос, сохраняя некий ореол таинственности, который Ося ещё больше возбуждал. Тут важно было, чтобы Ося сам сообразил, что Элен появилась в его компании неспроста, имея какое-то неявное намерение, о чём пока не решалась рассказать. Только после того, как перешли на «ты», Ося приступил к допросу:

– Леночка! Вот я никак не могу поверить, что ты захотела познакомиться просто так, только из любви к искусству. Думаю, что эта жизнь не для тебя – порхать от одного мужика к другому в надежде на то, что сбудутся наивные мечты. Нет, что-то здесь не так, но что, убей бог, я не понимаю.

Элен улыбнулась:

– Ося, ты прав! Такого опытного сердцеда не обманешь, – тут улыбка как бы съёжилась, на глаза Элен навернулись слёзы. – Но это грустная история, и честно говоря, мне не хотелось бы испортить нашу встречу.

– Нет уж! – встрепенулся Ося. – Если начала, так говори.

К этому времени они остались за столиком вдвоём – Рачка нашла себе партнёра на ночь и, видимо, уже вкушала радости любви, или как ещё у них это называется? В общем, время было подходящее, хотя обычно тайники души принято раскрывать уже в постели. Но тут всё было по-другому.

– Дело в том, что несколько месяцев назад я влюбилась в одного человека. Ты не поверишь, но это было именно так. Я его не подцепила и вовсе не хотела использовать знаком-

ство для какой-то выгоды. Это довольно редкий случай, но после первого свидания я готова была бежать за ним хоть на самый край Земли. Даже если он станет бедным, лишится своего нынешнего положения. Понимаешь, это был мой идеал, именно о нём я мечтала с юных лет – красивый, честный, благородный. Таким он показался мне после нашей первой встречи. Ну а успехи в бизнесе говорили о высоком интеллекте. Разве я не права?

Элен посмотрела на Осю, словно пытаясь понять, способен ли он всерьёз воспринять эту её историю.

– Всё абсолютно точно, Леночка! – воскликнул Ося. – Умный человек в любых условиях найдёт способ, как обеспечить и себя, и свою семью. Но что же было дальше?

– Дальше всё было замечательно! Несколько месяцев я ощущала себя, как в раю. Мы с Мойшей словно бы вдвоём на необитаемом острове, и до всего остального нам нет никакого дела. Ну а потом... – Элен вздохнула, и продолжала уже другим голосом, едва не срываясь на крик: – Потом он сказал, что у нас с ним нет будущего, поскольку он не может уйти от своей жены. Причина, видите ли, в том, что жене известно, как он стал богатым. Так что в случае развода он может оказаться за решёткой. Все знают, на что способна брошенная женщина, – Элен замолчала, потом какой-то странный огонь зажегся в её глазах, и она тихо, почти неслышно прошептала: – Ну вот и я...

В разговоре с Осей не зря Элен назвала Идельсона по-до-

машинному – Мойша, уменьшительно-ласкательное от «Михаил». Здесь содержался и намёк на некое родство с Моисеем, блуждавшим по Аравийской пустыне сорок лет. Теперь это интимное «Мойша» стало в глазах Оси подтверждением недавней близости Идельсона с Элен.

Вначале Ося попытался её успокоить:

– Леночка! Ты пойми! Ему ссориться с женой никак нельзя! Мало того, что может сесть в тюрьму. Ведь на неё же записана значительная часть его активов, около двух миллиардов баксов, а то и много больше. Поверь, даже я не всё знаю о его делах. Ну представь, шесть лет по крупицам собирал, копил, а теперь в одночасье всего нажитого вдруг лишиться. Да этого ни один мужик не выдержит!

Тут Ося для большей убедительности сделал круглые глаза, хотя про активы, записанные на жену, соврал, надеялся разжалобить Элен. Но та стояла на своём:

– Нет, я простить этого гада не могу!

Ося и так и сяк пытался урезонить:

– Леночка! Ну зачем тебе этот козлина? Я тебе другого подберу, посимпатичнее и побогаче.

– Ох! Ты всё о том же, о деньгах. Да ничего мне от него не нужно!

– Так о чём же речь? – Ося и впрямь не понимал.

Элен выдержала паузу, а затем вновь что-то зловещее появилось в её взгляде:

– Единственное моё желание – отомстить!

Ося был в замешательстве. Он и предположить не мог, что вместо банальной интрижки с очередной девицей ввяжется в такое дело. Эх, знал бы заранее... Хотя нет, Элен была слишком хороша, чтобы всё бросить, так и не добившись своего. Будь он в трезвом уме, наверное, встал бы и ушёл – только бы не влезать в скверную историю. Однако и то верно, что не в его правилах отступать.

– Лена, дорогая! Честно признаюсь, я мечтал о совсем другом финале нашего свидания...

– Это мы ещё успеем обсудить, – отвечала, играя глазками, Элен. – Но и ты меня пойми. Пока не отомстила, думать ни о чём другом я не могу.

Ося уже чуть ли не слюной истекал. Ну как же так? Они третий день подряд встречаются, а Элен по-прежнему держит его на приличном расстоянии. Вот купил ей изумрудное кольцо, а она отказывается подарок принимать, говорит – не заслужила. Если так пойдёт, могут поползти слухи, будто он уже совсем не тот. Ведь не одну крупную компанию под себя подмял, а тут вдруг споткнулся на очаровательной блондинке. Был бы другой на его месте, дал бы команду «пацанам» – те бы враз девицу спеленали и...

Нет, Осип Губерман был не таков. То ли кишка тонка, то ли родительское воспитание так поступать не позволяло – насилие, как метод достижения успеха он не признавал. Куда приятнее было договориться по-хорошему – чтобы у «клиента» просто другого выхода не оставалось, кроме как отдаться

Осе со всеми своими потрохами, и конечно, с кошельком в придачу. Ну вот и здесь, кровь из носу, он обязан эту дурочку переиграть! Хотя вроде бы с виду не проста, однако куда ей до него – Ося и не таких «упёртых» уговаривал. Но есть кое-какая разница – там бизнес, а здесь всё-таки любовь. То есть не любовь, конечно, а желание. Проблема в том, что времени у него в обрез – есть такое ощущение, что если откажется ей помочь сейчас, это будет их последнее свидание.

– Ну ладно, Ленусик! Кое-что я подскажу. Но только при одном условии. В случае чего я совершенно ни при чём. Договорились?

Дальше Ося, что называется, на голубом глазу, но под большим секретом, рассказал о том, как Идельсон создавал свою компанию, как привлекал инвесторов, как осваивал новые месторождения...

Элен только рассмеялась:

– Осик, дорогой! Ты что думаешь, я не читаю газет? Думаешь, мне залежалый товар можно втюхивать? Нет, ну никак от тебя не ожидала!

Ося был не столько смущён, сколько озадачен. Если даже это не проходит, что же ещё такое он мог бы предложить? И существует ли в принципе возможность, не подставляя Идельсона, добиться желанного успеха? А может, всё-таки подставить? Ведь этот Мойша ему не сват, не брат... По правде говоря, совсем чужой, тогда при чём тут цеховая солидарность?

Все эти вопросы крутились в голове Оси, разрастаясь как снежный ком, который катится с горы. Ах, как не хотелось докатиться до предательства! Так рассказать или не рассказать? С одной стороны – солидный человек с миллиардным состоянием, а с другой – девица, жаждущая крови. Вряд ли она его застрелит, скорее, попытается Мойшу разорить, обнародовав всю подноготную. Тогда и нынешний премьер может пострадать... Да Осе на это наплевать! Ожиданий не оправдал, от президентских амбиций отказался, так пусть теперь идёт куда подальше – его отставка в любом случае не за горами. Но тут есть очень привлекательный момент: если компания Идельсона развалится, тогда и Осе кое-что перепадёт – надо только вовремя подсутиться.

Что ж, решение было принято. Ося вздохнул и, наклонившись к уху Элен, стал быстро-быстро говорить, словно боясь, что передумает. А затем достал айфон, нашёл нужный файл и скинул его на смартфон Элен.

Увы, Ося не дождался благодарности – Элен только сказала: «Я посмотрю!» и тут же упорхнула. А Ося ещё долго пребывал в недоумении – то ли сохраняется надежда, что удастся затащить Элен в постель, то ли его просто «развели», как лоха.

В файле, который удалось получить от Губермана, содержалась аудиозапись разговора двух человек. Ну а историю их взаимоотношений Ося сообщил Элен на ушко.

Если бы не дружба с Яшей Либерзоном, Михаил Идель-

сон так бы и трудился рядовым инженером на НПЗ, однако Яше, в то время занимавшему пост вице-губернатора области, понадобился надёжный человек для того, чтобы наложить лапу на весьма прибыльные местные активы. Сам он не мог действовать в открытую, а Михаилу, с которым в школе сидели за одной партой, вполне можно было доверять – не сдаст ни при каких условиях. И понеслось!

Проблемы возникли, когда фирма, которую удалось, что называется, обойти на повороте, обратилась в суд. И как назло, сменился председатель местного суда – прислали какого-то несговорчивого хмыря из другой губернии. Сколько к нему не подъезжали, и так, и сяк – всё впустую. Позже выяснилось, что та фирма и добилась назначения своего человека на столь важный пост. Впереди маячило банкротство, и пришлось бы Михаилу возвращаться на завод, если бы в голову Оси не пришла гениальная идея. Об этом и шла речь в той беседе, аудиозапись которой Элен получила от Губермана:

– Послушай, Миша! Деньги на счетах твоей фирмы пока есть, причём немалые, однако вот-вот на них могут наложить арест, если этот заезжий хмырь подсуетится. Так вот, пока не поздно, надо их использовать с толком, с расстановкой.

– Это как?

– Учреди благотворительный фонд.

– Ты совсем сдурел? Лучше я свои капиталы на Кипр переведу или недвижимость в Москве куплю...

– Эх, Мишаня, как был ты лаптем, так им и остался.

Недвижимость твою могу отобрать, зарубежные счета блокируют, а вот благотворительный фонд никуда не денется. Не посмеют они оставить без помощи сироток и бедных стариков!

– А мне-то что с того?

– Так это смотря, на кого будет работать этот фонд. Если на благо человека влиятельного, занимающего высокий пост там, наверху, тогда вполне можешь рассчитывать на ответную признательность. Он не только от суда тебя отмажет, но и поможет наварить приличный капитал. Тут действует простая логика – чем ты богаче, тем больше и ему перепадёт.

– Это что-то вроде взятки?

– Ой, только не надо путать кассацию с кастрацией! Это не то, что у нас с тобой – ты мне, а я тебе. С ним такой фокус не пройдёт, поскольку риск слишком большой. А вот если изобразить всё это как благотворительность, тогда он точно не откажется.

– Так где такого взять?

Яша почесал за ухом, прищурился и как бы нехотя стал излагать свою идею:

– Есть у меня одна задумка. Как-то был по делам в столице нашей Родины, в Москве. После трудов праведных завалялся в ночной клуб, там познакомился с привлекательной девицей. И вот оказалось, что Василиса, так она представилась, в очень близких отношениях с супругой самого...

– Генпрокурора что ли? – некстати вырвалось у Михаила

Прокопьевича.

– Ты что, совсем дурак?

– Неужели...

От внезапно возникшей догадки Мишаня разинул рот. Но Яша тут же вернул его к реальности:

– Да нет, к нему нам никак не подступиться. А вот тот, кто скоро сядет в его кресло... Прикинь, выборы уже через два года!

– И что? Ты же не глава ВЦИК, чтобы заранее знать, чем дело кончится. А президент и сам ещё не выбрал своего преемника.

– Да куда он денется! Выберет самого невзрачного из тех, кто входит в ближний круг, самого послушного, чтобы без спросу ничего не делал, и, самое главное, чтобы никаких амбиций! Ну и кто этому портрету соответствует? – Яша внимательно посмотрел на собеседника, ожидая, когда же до того дойдёт. – Вывод однозначный, тут к бабке не ходи.

– Ладно, – нехотя согласился Мишаня. – Допустим, что ты прав. Но с какой стати я должен верить, что эта Василиса и в самом деле познакомилась с его женой? Может, она цену себе набивала?

– Я тоже сначала не поверил. Так Василиса тут же связалась с ней по скайпу... В общем, стало понятно, что какая-то дальняя родня, седьмая вода на киселе.

– Да уж, повезло... – только и смог вымолвить Мишаня.

– Прикинь, такой расклад выпадает раз в столетие, и надо

им воспользоваться, чтобы потом не стыдно было за бездарно прожитые годы.

Теперь предстояло обсудить детали.

– Поедем с тобой в столицу, возьмём Василису в оборот. Ну купишь ей перстень или ожерелье с бриллиантами. Какая баба перед этим устоит? Когда она сведёт тебя с женой... – тут Яша посмотрел по сторонам, но так и не решился назвать имя или должность. – Так вот, когда сведёт, тогда изложишь ей свой план. Мол, денег много, а куда их с толком употребить, пока не знаешь. Василиса говорила, что её подруга охоча до всякой роскоши. Ей, видите ли, надо, чтобы было, как у арабских шейхов, ну, в общем, чтобы всё, как у приличных людей. А то ведь у мужа, кроме должности, казённой дачи и персонального автомобиля почти что ничего! Так, по мелочи кое-что скопил на чёрный день, когда придётся уходить со своего поста. Короче, надо, чтобы дама возбудилась, почувствовала, что вот оно – откуда на возмись, явился добрый джин, готовый исполнить все её желания.

– Боюсь, я не потяну...

– Если ты про секс, то ей это без надобности. Твоё дело всё обставить так, чтобы ощутила себя королевой всея Руси. Естественно, в пределах допустимого.

– Что-то вроде Петергофа предложить, или Царского Села?

– Ну наконец-то стал соображать! Впрочем, Петергоф, это слишком жирно будет, а вот имение где-нибудь на Волге, да

шикарный особняк на черноморском побережье, это самое оно!

– А где гарантия, что и мне кое-что перепадёт?

– Василиса уверяла, что та дама хоть и жадная, но сообщает получше, чем её супруг. Уверен, что спросит, хватит ли твоих капиталов на всё про всё. Тут-то и скажешь... Ну, помнёшься для начала, а потом ей объяснишь...

– Да-да, прежде всего надо сохранить нынешние активы, а потом...

– А потом она сама предложит, будешь получать и концессии, и госзаказы. И станешь ты, Миша, её личным кошельком, только успевай выполнять желания. Но помни, только через фонд!

– Я уже название придумал. Назовём его «Презент».

Яша поморщился:

– Ну зачем так откровенно? Я предпочёл бы «Благо».

– Ладно, пусть будет «Благо». Но меня вот что смущает. Если я стану владельцем фонда, тогда журналюги могут раскопать... Начнутся неприятные вопросы, да и нашей даме вместе с её мужем слегка подпортят имидж. Конечно, до прокуратуры дело не дойдёт, но...

Яша призадумался.

– Сделаем так. Ты учреждаешь фирму, но к управлению формально не будешь иметь никакого отношения. А через какое-то время фирма создаёт этот фонд. И ты как бы ни при чём! Только время от времени жертвуешь этому фонду

от щедрот своих на богоугодные дела.

– Я бы добавил ещё один нюанс. Руководить фондом должен человек, которому она... ну, подруга этой Василисы, полностью бы доверяла.

– Правильная мысль! Так они будут уверены, что не обманешь.

– Да ладно тебе, я на такое не способен.

Так ли всё было, или по-другому, Егор этого не знал. Догадки к делу не подошьёшь, аудиозапись могла оказаться искусно исполненной подделкой, а Идельсона никто не позволит допросить. Ясно лишь одно – если это та самая Василиса, которую он уже вовлёк в свою игру, тогда появляется возможность использовать её родственные связи для получения более достоверной информации. Хотя «заговорщики» имён не называли, Егор без труда догадался, что речь шла о Софье Павловне и её супруге, занимавшем важный пост в правительстве.

Глава 6. Софочка и Василиса

Задача перед Викуловым стояла непростая, поэтому требовалась тщательная подготовка. Прежде всего, нужно найти способ, как заставить Василису согласиться на участие в этом деле. Конечно, в её положении нет смысла привередничать, но вдруг захочет что-то заработать. Да при её-то жадности всего можно ожидать! Однако тут ситуация достаточно прозрачная – на всё её имущество и банковские счета наложен был арест, поэтому о какой-то материальной компенсации говорить бессмысленно. Есть вроде бы одна возможность убедить – встреча с влиятельной родственницей даст ей надежду на некоторое облегчение грядущей участи. Такой вариант не стоит отвергать, но более реальным для неё был бы расчёт на снисхождение от следствия.

Честно говоря, зла ей Викулов не желал, хотя за все эти дела она вполне заслуживала порки. Эх, если бы таким способом можно было избавлять людей от мерзких пороков, от чёрной зависти, от неутолимой алчности! Однако наука ещё не доросла до того, чтобы ликвидировать все эти пороки с помощью генной инженерии, ну а карательные органы могли только надеяться, что страх перед наказанием удержит от нежелательных поступков. В общем, Викулов на свой страх и риск предложил Василисе следующий вариант, намекнув на свои связи в Следственном комитете и в прокуратуре: два

года домашнего ареста, из которых она большую часть уже отсидела, и запрет на пять лет занимать руководящие должности в госучреждениях. Такой приговор вполне реален, если прокуратора и суд примут во внимание её готовность сотрудничать со следствием. Немного подумав, Василиса согласилась.

Теперь следовало позаботиться о том, чтобы сохранить предстоящее свидание в секрете. Ясно же, что Софья Павловна не захочет мужа подставлять, афишируя связь с обвиняемой по на шумевшему делу. Можно рассчитывать лишь на сострадание, но тут уж всё зависело от Василисы – даже в ходе следствия она давила, в основном, на жалость и кое в чём добилась своего. Домашний арест и разрешение совершать прогулки по магазинам – такого в следственной практике прежде не бывало, но тут Егор совершенно ни при чём, поскольку на этом настояла Генпрокуратура.

Впрочем, был в кармане у Егора важный козырь. Дело в том, что доказать преступное происхождение пяти баулов с драгоценностями, изъятых на квартире Василисы, ему не удалось – увы, на этих «брюликах» нет ярлыков, где было бы рассказано о том, где, когда и на какие деньги они куплены. То ли подарил отец, «богатенький Буратино», то ли досталось по наследству от прабабушки – так утверждала Василиса. А как оно на самом деле, это крайне трудно доказать, да и её роль в деле бывшего министра обороны в ходе следствия становилась всё менее значительной – поделни-

ки отказывались от прежних показаний, и в результате прокуратура склонялась к версии, будто Федюкин с Василисой тут как бы ни при чём, им можно предъявить только обвинение в халатности. Так что после возмещения причинённого ущерба, о чём позаботился её отец, и отбытия наказания к Василисе вернутся те самые баулы. И тут наступает самый важный момент – чем скорее Василиса выйдет на свободу, тем скорее может поделиться с Софьей Павловной нажитым богатством. А уж та наверняка кусала себе губы, когда смотрела по телевизору на ожерелья с бриллиантами, на перстни с изумрудами... Ну какая женщина перед этим устоит?

Как и предполагал Викулов, у Василисы была возможность в случае крайней необходимости связаться с родственницей через интернет. Правда, компьютер у неё давно изъяли, но у Викулова при себе был ноутбук. Теперь успех предприятия зависел только от способностей Василисы – удастся ли ей найти слова, которые дойдут до самых глубин подсознания Софьи Павловны и заставят согласиться на встречу вопреки желанию сохранить семейное благополучие и не подставить своего супруга.

Всё это напоминало шпионский детектив. Не хватало ещё шифра в виде пятизначных комбинаций цифр и подписи: «Да благословит вас Бог!», что когда-то считалось залогом безопасности агента, работающего на иностранную разведку.

Итак, Бася пишет Лине:

«Линочка, дорогая! Привет! Сразу хочу предупредить, что мне от тебя ничего на этот раз не нужно. Я и без того безмерно благодарна за твоё участие. Не удивляйся, но у меня появилась возможность сделать ответную любезность. Подробности при личной встрече. Поверь, это очень срочно и очень важно для тебя, иначе я бы не стала беспокоить. Твоя Бася».

Как ни странно, эта Лина довольно быстро отозвалась – видимо, сидела в интернете в то время, как муж, засучив рукава, решал глобальную задачу повышения рождаемости населения страны.

Лина Басе:

«Готова тебя принять на той же квартире, где мы встречались раньше. Сегодня в пять часов. Если сможешь, избавься от соглядатаев. Думаю, ты знаешь, что имеется в виду. Лина».

Фразу про соглядатаев Василиса не сразу поняла. Конечно же, следовало избавиться от журналистов. А кроме того пришлось ей разъяснить, что основная проблема заключается в браслете, который позволяет отслеживать местоположение подследственной. Так вот его придётся подменить – старый браслет оставить дома, а новый будет сообщать информацию только на ноутбук Викулова. Правда, Егор ей не сказал, что эта подмена позволит слышать весь разговор Василисы с Софьей Павловной – браслет с подслушивающим устройством одолжил приятель из военной контрразведки, с

ним вместе работали по делу бывшего министра обороны.

Викулов ждал Василису в машине рядом с домом, где была назначена встреча. Дом оказался непростой – въехать во внутренний дворик можно было только с разрешение сотрудников ЧОПа, охранявших здание. К счастью, здесь не потребовалось ни пароля, ни пропуска – достаточно было сказать: «Бася к Лине» и ворота распахнулись настежь.

Только через два часа из подъезда вышла Василиса и, прикрывая лицо, быстро направилась к машине. Судя по улыбке, она была вполне довольна разговором – слегка навеселе, еле сдерживала желание похвастать. Но ограничилась тем, что назвала сумму отступных в виде приглянувшихся Софье Павловне «брюликов» из тех самых баулов. Викулова это мало интересовало – «нашли консенсус», ну и слава богу! Куда важнее, что ей удалось разговорить Софью Павловну, вызвать её на откровенность.

Понятно, что на признание Софьи Павловны в деловых связях мужа с Идельсоном нечего рассчитывать, но вот рассказать о своём поместье она должна, просто обязана! В самом деле, Василиса наверняка ей все уши прожужжала о бриллиантах и сапфирах, которые ей должны вернуть после «отсидки». Ну а когда речь заходит о чужом богатстве, тут невозможно устоять – надо тоже чем-нибудь похвастать. Иначе как же Софочка будет выглядеть в глазах своей подруги?

И вот настал её черёд. Софочка комментировала фотогра-

фии, выведенные на большой экран, а Василиса то и дело ахала и охала:

– Какое чудо!

– Ну я же сама выбирала интерьер, – откликнулась Софочка, довольная тем эффектом, которое произвела на свою подругу. – Конечно, я советовалась со спецами из Европы, но основные работы выполняла та же фирма, которая занималась убранством президентских покоев в Кремле и в Ново-Огарёво. Всё сделано так, чтобы не стыдно было пригласить гостей, а то ведь Любовьку посещают замечательные люди, а не какая-то там шелупонь. Акулы бизнеса, видные политики, иногда певцов и актёров приглашаем, устраиваем музыкальные вечера. Да вот сама смотри!

Тут на экране появилось видео: сначала дружная компания за праздничным столом, вкушающая от щедрот хозяина, а затем выступление звёзд эстрады. Среди сидящих в зале Василиса разглядела и Губермана, и Идельсона – Егор заранее показал ей фотографии на всякий случай. Однако кто же не знает тех, кто входит в тройку богатейших людей страны, если верить списку Форбс?

– Ой, даже Мойша у тебя бывает!

– Ты о ком?

– Я об Идельсоне. Наверное, и он этой роскоши завидует?

– Так ты и с ним знакома?

– А почему бы нет? Не всё же мне бегать за министрами, вот Мойшу попыталась окрутить, но... – Василиса виновато

улыбнулась. – Но с ним ничего не вышло.

– Неудивительно! Ты меня прости, но он не того поля ягоды.

– Это почему же?

– Видишь ли, твой Аркаша всего-то и смог что занять министерский пост, причём благодаря поддержке тестя. А Михаил, он совсем другой! Он миллиардное состояние сделал собственными руками, не рассчитывая на поддержку родственников и друзей.

Василиса изобразила на лице обиду и, словно бы защищая своего избранника, пошла в атаку:

– Вот никогда не поверю, что Мойша обладает таким уникальным даром, чтобы за несколько лет «наварить» пятнадцать миллиардов долларов буквально из воздуха, из ничего.

– Ну почему из ничего? Наверняка, у него был какой-то начальный капитал, а потом просто повезло.

– Мне бы такое везение, – прищутив глаз, усмехнулась Василиса. – Уж не зовут ли это везение Антон?

– Ты на что же намекаешь? – всполошилась Софочка, усмотрев в этих словах намёк на мужа.

Василиса сделал вид, что даёт задний ход:

– Ой! Я не должна была этого говорить, но, знаешь, слухами Москва полнится. Кажется, ещё в прошлом году пересеклись в клубе с Осей Губерманом, так он на ушко мне нашептал...

– Вот же дрянь, мерзавец! – не сдержалась Софочка. –

Больше не дожждётся приглашения, – однако быстренько пришла в себя и продолжала: – А ты знаешь, как Ося делал состояние? У него была рука в правительстве. Оттуда и получал выгодные заказы.

– Ну, это теперь обычная деловая практика. Я потому и упомянула Антона, что нельзя вам от этой моды отставать. Не всё же он будет на Олимпе, надо же о будущем подумать, о безбедной старости, наконец, позаботиться о детях.

– Ох, Василиса, как же ты права! Ведь сколько я Антона упрасивала, говорю, ты посмотри вокруг. Люди богатеют, а ты готов жить на одну зарплату, ну и небольшие бонусы раз в квартал. Так он год упирался, хоть кол на голове ему теши. Только когда пригрозила, что уйду... только тогда и сдался.

– Софочка, дорогая! Против твоего напора никто не устоит!

Софья Павловна осталась довольна похвалой, поэтому на столе появилась ещё одна бутылка французского шампанского. А вскоре её немного развезло, так что пора было заканчивать. Напоследок Софья Павловна попыталась сделать строгое лицо и, не без труда подбирая слова, выдвинула что-то вроде ультиматума:

– В общем, так! Я тебе помогу. Месяц-другой посидишь в колонии для порядка, а там и на свободу с чистой совестью. Только смотри, если узнаю, что распускаешь слухи про Антона и Мойшу, берегись!

– Ох, спасибо, Софочка! Можешь не сомневаться, наш до-

говор я выполняю. Всё до последнего «брюлика» получишь из тех, что приглянулись.

От внезапного прилива чувств Василиса даже не обратила внимания на предостережение, ну а для Егора эти слова стали ещё одним доказательством того, что миллиардные состояния в наше время делаются только при поддержке лиц, облечённых властью, причём на взаимовыгодной основе.

Глава 7. Дело Кошкина

Казалось бы, просьбу Савелича он выполнил, и можно теперь не отвлекаться от текущих дел, тем более, что состава преступления в действиях Идельсона нет, да и достопочтенного супруга Софьи Павловны не упрекнёшься в том, что использовал служебное положение в корыстных целях. Вот ведь как хитро получается: поместье Любовка и особняк на черноморском побережье числятся за фондом «Благо», ну а кому фонд адресует свои благодеяния – это личное дело тех, кто им управляет. Понятно, что, по сути, это подставная фирма, но в чём её владельцев можно упрекнуть? Некто перечисляет деньги в фонд, на эти средства фирма строит роскошные хоромы, а затем предоставляет их в долгосрочное пользование некоему лицу, основываясь на собственных предпочтениях. Конечно, такую процедуру можно было бы назвать отмыванием взятки, но это станет очевидным фактом только лет через десять-двадцать, когда «взяточник» выкупит недвижимость за символическую сумму. А к тому времени за давностью лет все эти замысловатые кульбиты утратят актуальность – придут новые дельцы, которым не терпится отщипнуть кусок от большого пирога, только успевай удовлетворять их аппетиты. И кому какое дело, как на свет рождаются новые миллиардеры? Главное, чтобы экономика росла, а соблюдение нравственных норм в нынешние време-

на не в моде.

Но был во всём этом деле один момент, который позволял надеяться на то, что удастся вскрыть нарыв. Надо бы проверить законность передачи земельных участков фонду «Благо». А вдруг обнаружится зацепка? Нельзя сказать, что Егор надеялся только на везение, нет, видимо, интуиция сработала, поэтому и приказал установить негласное наблюдение за сотрудниками правового управления УПД, в ведение которого входило заключение договоров аренды земель, находящихся в федеральной собственности. Один из этих сотрудников, некто Савин, вскоре был замечен в употреблении кокаина – в ночных клубах, если приглядеться, можно найти немало любителей такого зелья. Дальнейшее было делом техники – Савин вынужден был согласиться «стучать» на своё начальство и вскоре сообщил, что замдиректора управления, Леонид Мосин, подыскивает арендатора для одного из зданий в центре Москвы, которое освободилось после переезда в новое помещение организации, арендовавшей его ранее. При этом в частном разговоре попросил Савина найти «покладистого бизнесмена», явно намекая на то, что хотел бы получить «бонус» за оформление такого договора.

Сценарий оперативного эксперимента разработал Балясников – к Мосину подвели сотрудника ГУЭБ, который выдал себя за богатого предпринимателя, желающего перевести свой бизнес из провинции в Москву. По сути, он стал «клоном» реального лица, так что не должен был вызвать по-

дозрения даже в результате тщательной проверки, к тому же обещал весьма солидную «маржу». Немудрено, что Мосин попался на крючок и был взят с поличным при получении взятки.

А затем произошло то, чего не смогли предвидеть ни Викулов, ни Балясников. Пока они прикидывали, как выудить из Мосина нужную им информацию, следователь, которому было поручено оформить задержание, отпустил Мосина под подписку о невыезде. Это было грубейшим нарушением установленного порядка, поскольку сотрудники ГУЭБ даже не успели толком допросить подозреваемого. Уже тогда Викулов должен был понять, что такое головотяпство следователя не было случайным, что сотрудники ГУЭБ находятся «под колпаком» и все их действия кем-то контролируются. Но он был слишком увлечён, уж так хотелось ущучить Идельсона, а заодно и Софью Павловну, что не обращал вниманий на подобные оплошности своих коллег.

К счастью, уже через пару часов Мосина удалось снова задержать, и вот тогда в его портфеле обнаружилось несколько любопытных документов. Это была доверенность, выданная Мосину главой УПД на право заключать арендные соглашения от его имени, а также несколько договоров о продаже земель федерального назначения частным фирмам. Среди них значился и фонд «Благо», получивший право на владение землёй на черноморском побережье.

Это была удача! Дело даже не в том, что земли наверняка

продавались по заниженной цене. Гораздо важнее, что выстраивалась юридически подтверждённая цепочка от Идельсона до самых высоких кабинетов. От ощущения грядущего успеха захватывало дух! Конечно, никто не откажется от ещё одной звезды на генеральских погонах, однако очистить коридоры власти от тех, кто потворствует коррупции – это было дело, за которое он готов даже пойти на плаху! Такое, в принципе, возможно, если отвернутся от него и Новосельцев, и Стрекалов, и не замолвит словечка Тортенберг, но о подобном исходе не хотелось думать.

Знал бы Викулов, как всполошился владелец одного из кабинетов в Доме правительства на Краснопресненской набережной, когда Кошкин сообщил ему о том, что в руки сотрудников ГУЭБ попали документы о продаже земли благотворительному фонду «Благо». Вечером того же дня Антон Евгеньевич рассказал об этой грустной новости жене. Та даже охнула:

– Ох, как некстати! Я же тебе говорила, гнать надо было этого Новосельцева и ставить своего.

– Так ведь не я же его назначал на этот пост! Да и предположить не мог...

– А что ты вообще можешь? Меня надо слушать, а то вообразил себя чуть ли не пупом всей Земли.

– Ну, ты это... Ты не увлекайся.

– Да как же мне молчать, если всё дело ставишь под удар?

– Какое ещё дело? – после рабочего дня Антон Евгенье-

вич о том только и мечтал, что добраться до компьютера и запустить в интернет какую-нибудь новую свою идею. А тут, видишь ли, пристала, как банный лист.

– Ты что, уже забыл? – не унималась Софья Павловна. – Ведь столько уже говорила тебе и про модернизацию страны, и про либерализацию правоохранительной системы, и о переводе экономики на европейские стандарты.

– Софочка, родная! – умоляющим тоном даже не проговорил, а прошептал Антон Евгеньевич. – Только не сейчас! Пойми, целый день только об этом говорим, делом даже заниматься некогда, а приду домой – и ты туда же.

– Да не могу же я молчать, когда вся страна катится в тартарары! Куда подевалось твоё мужество? Где гражданская инициатива? Где ответственность перед обществом? Да приструни ты как-нибудь Новосельцева, если не можешь снять с работы!

Не зная, как успокоить разбушевавшуюся супругу, Антон Евгеньевич ляпнул:

– Как я его приструню? Он генерал, а я белобилетник... – и виновато улыбнулся.

– Ну знаешь!.. Шутки у тебя дурацкие, Октавиан! Ладно, я спать пошла, а ты посиди ещё, подумай.

А как тут думать, если от услышанной за день информации раскалывается голова? Это вам не лекции читать в университете! Одна единственная мысль болтается туда-сюда в мозгу, не даёт покоя днём и ночью. Сводилась она к одно-

му: как же нынешнему его преемнику удаётся со всем этим справляться? То есть и с работой, и с женой... Возможно, этому учили в Высшей школе КГБ. Так неужели только бывшие разведчики способны управлять таким огромным государством?

Тут надо пояснить, что в официальной биографии было написано, что его зовут Антон. С какой стати его Октавианом нарекли при рождении, он поначалу даже не догадывался. Да и как это узнать, если освоил грамоту лишь к семи годам. Ну и родители помалкивали. Но постепенно он к этому имени как-то притерпелся, привык, тем более что в школе ему дали ласково-уменьшительное прозвище Октик. Впрочем, позже он счёл, что как-то неудобно зваться этим именем, не имея ничего такого за душой, чем можно было бы гордиться. Тогда и стал Антоном. И только уже гораздо позже открылась ему вся неприглядная правда происхождения его подлинного имени. Собственно говоря, об Октавиане Августе он совсем недавно прочитал.

Судя по всему, даже родители не знали, в чём там дело. Октавиан, так Октавиан. Имя звучное, внушает уважение, а какая за всем этим прячется история, родителям знать было ни к чему. Как подсказала википедия, Октавиан был родом из плебеев. Его мать была дочерью Юлии, сестры самого Цезаря. Это уже когда Юлий Цезарь его усыновил, стал Октавиан числиться патрицием. Но а потом наверняка у него кошки на душе скребли от сознания собственной неполно-

ценности. И всё же, несмотря на слабое здоровье, с юных лет стремился реализовать себя в политике. После убийства Цезаря выяснилось, что тот оставил Октавиану большую часть своего наследства. Однако и деньги, и власть обманным путём получил некий Марк Антоний. Если бы не поддержка сенатора Цицерона, дела Октавиана были бы совсем плохи – ни денег, ни власти, одни долги. Но вот в результате длительных интриг сверг Антония, добился звания консула, а после, встав во главе триумvirата, на пять лет захватил власть – якобы для наведения порядка. За это время уничтожил всех своих противников-сенаторов и даже тех, кто когда-то его поддержал, включая Цицерона. Потом было завоевание Египта, самоубийство его главного врага, Антония, и реставрация Республики. При всём при том Октавиан остался императором, предпочитая, чтобы его называли Император Август. Именно во время его властвования расширились границы Римской империи и укрепилось её никем непревзойдённое могущество.

Да, тут есть над чем подумать. Что ни говори, но между ним и тем Октавианом было много общего. Вот и бабушку Октавиана Евгеньевича тоже звали Юлия. Существенная разница состояла в том, что нынешний Октавиан вовсе не стремился к власти. Ну просто так сложились обстоятельства, что оказался у руля – видимо, никому больше Первый тогда не доверял. И лишь пять лет назад, проштудировав биографию знаменитого тёзки, Октавиан Евгеньевич понял, что всё

это неспроста. Словно бы само Провидение указывало ему путь. Правда, он тогда ещё не знал, где находится его «Египет», но если верить Софье Павловне, конечной целью должна была стать реставрация подлинной республики, а там и до кресла императора рукой подать.

Вполне логично, что после прихода к власти Октавиану Евгеньевичу пришлось кое-что позаимствовать из наследия своего тёзки, римского императора. Высших чиновников тот вербовал среди плебеев, народ ублажал хлебом, зрелищами, да различными переименованиями, в частности, часто менял названия римских округов. Особое внимание уделял решению демографических проблем, для чего был принят закон Папия Пупия о браке. Для установления добрых нравов в обществе подписал ещё и закон о роскоши, но это как бы между прочим. Опорой же императора по-прежнему оставалась армия. Ну вот и Октавиан Евгеньевич решил следовать этому завету. С его избранием на высший пост деньги в военное ведомство потекли рекой. Толком никто не интересовался, как истратили, лишь бы вовремя министр отрапортовал о достигнутых успехах, да на парадах сумели показать товар лицом.

Знал бы он, к чему приведёт эта его щедрость, никогда бы не стал подражать своему древнеримскому коллеге. Но так уж всё сошлось – Федюкин чуть не попал под суд, и на надеждах о продолжении карьеры самодержца пришлось поставить жирный крест. И вот ещё: оба Октавиана роди-

лись в сентябре – видимо, и тут не простое совпадение. И всё же кое-что смущало: тот Октавиан прожил сорок девять лет, а этому сорок восемь исполнилось на днях. Так неужели остался всего год?

Глава 8. Месть Идельсона

А между тем, Софья Павловна не теряла времени даром. Видя, что супруг явно не в себе, сообщила по скайпу о случившемся Михаилу Идельсону. «Благотворитель» и без того не отличался бычьим здоровьем, бледность не сходила с его лица, но тут и вовсе кожа стала пепельной. Это и понятно – Антону Евгеньевичу ничего не угрожало, кроме потери должности, да и потом не бросят, куда-нибудь приткнут. А вот обвинение в подкупе должностного лица... Это, знаете ли, не каждый способен пережить даже при отменном здоровье.

Именно поэтому Идельсон быстро свернул разговор с Софьей Павловной, пообещав в кратчайшие сроки с этим делом разобраться, и вызвал на связь Яшу Либерзона:

– Яшка, мать твою, ты куда меня втравил?!

Тот спросонья ничего не понял, что вполне естественно, поскольку в Зауралье была ночь:

– Неужели саудиты снова обрушили нефтяные цены?

– Да хрен с ней, с нефтью! Под меня МВД начало копать!

– Старушку, что ли на пешеходном переходе задавил?

– Ты издеваешься?

– Ну так объясни внятно, что случилось.

– Под наш благотворительный фонд подвели ядерный заряд!

Тут только Яша окончательно проснулся. Напряг мозги и стал прикидывать варианты:

– У тебя же есть связи в ФСБ?

– И что? Потребовать, чтобы этих эмвэдэшников обвинили в госизмене?

– Ну зачем же так? Есть способы поделикатнее.

– Да какая уж тут деликатность?! – и уже срываясь на фальцет, Идельсон прокричал: – Ты скажи, что делать!

– Нужно, чтобы ими заинтересовалось управление «М», в задачу которого входит выявление коррупционеров в правоохранительных органах. Намекни, что надо бы убрать этих напористых парней из МВД. К примеру, обвинить в превышении служебных полномочий и отправить прямым ходом в отставку, на покой. Тогда дело само собой развалится, поскольку никто больше не решится под тебя копать. Себе дорожке выйдем...

– Нет, меня это не устроит! После увольнения из органов никто уже не запретит им слить компромат на меня в СМИ. Представляешь, какой может разгореться скандал! А я хочу, чтоб эти сволочи надолго замолчали и крепко-накрепко запомнили, на кого можно руку поднимать, а на кого нельзя!

Яша призадумался.

– Что ж, тогда надо будет устроить провокацию.

– Это как?

– Привлечь тамошнее «гестапо», они на такие дела мастера.

– Похоже, ты детективов начитался, а тут предстоит свалить заслуженного генерала! Никто им этого не разрешит.

– Это смотря, как обставить дело.

– Тогда срочно вылетай в Москву!

Прилетев в столицу, Яша несколько раз встречался с сотрудниками Управления собственной безопасности, того самого «гестапо», и в результате мозгового штурма родился план. В иных обстоятельствах его можно было бы назвать шедевром оперативного искусства, но тут язык не поворачивается, поскольку западня готовилась не для иностранного разведчика, а для своего в доску парня, который чем-то кому-то не угодил. Само собой, выдавая участникам операции аванс, Яша скромно умолчал о том, чего им знать не полагалось. Да они и не настаивали.

Понятно, что в таком серьёзном деле без санкции высшего руководства не обойтись, однако для этого нужны убедительные, прямо-таки убойные аргументы. Но где их взять, если ни в поддержке оппозиции, ни в сотрудничестве с террористами никто из сотрудников ГУЭБ не был до сих пор замечен? Решили «подвести» к Балясникову через общих знакомых Глотова, бывшего оперативника с Лубянки – он якобы затаил обиду на «гестапо», поскольку лишился должности по их вине. И вот в приватной беседе Гловтов рассказал Балясникову, какими тёмными делами занимаются те, кто обязан следить за «чистотой рядов»:

– Всё, о чём писали в СМИ, это лишь крохотная доля

тех дел, которые творят эти мерзавцы. «Крышуют» всех, кого ни попадя, лишь бы получить солидный «навар». Для контрабанды делают коридор на границе, а для обеспечения безопасной транспортировки грузов выделяют вооружённую охрану, как будто перевозят арестованного террориста. Через подконтрольные им банки выводят нелегально нажитые денежные средства за бугор... И всё это под носом руководства, которое занято более серьёзными делами, а вот навести порядок в своём ведомстве почему-то не хватает времени.

– Неужели всё так плохо?

– Так ведь ещё немного и будет пройдена точка невозврата, тогда нам всем кирдык! Ну ты представь, может ли собственная служба безопасности контролировать сама себя? Там же круговая порука!

– Так что же делать?

– Надежда только на вас. Вашему управлению сам бог велел искоренять коррупцию!

Балясников задумался. С одной стороны, риск большой – это же не какая-нибудь заштатная контора, а одно из подразделений ФСБ. А с другой стороны, от того, что пытается делать ГУЭБ, толку не будет никакого, если «гестапо» и дальше будет «крышевать» преступников.

– Ладно, я доложу генералу. Подготовим оперативный эксперимент, имитируя дачу взятки. Но мне нужно что-то более конкретное. Мы же не можем взять в разработку всех сотрудников...

– Это не проблема. Если всерьёз займётесь этим делом, я сдам вам человека, из тех, что в коррупции по уши завяз.

Этот разговор зафиксировали «эмщики», и после того, как аудиозапись прослушал директор ФСБ, было принято решение пресечь поползновения оперативников из МВД. Нельзя же допустить падение авторитета важнейшей из спецслужб! С этим аргументом согласились и в Кремле.

Тем временем Балясников попытался понять, с кем имеет дело. Кто знает, возможно, это провокатор... Однако все попытки сотрудников управления установить его контакты или прослушать телефон не привели к желаемому результату. Личность вполне реальная, но вот «чем дышит», с кем общается – всё это словно бы закрыто непробиваемой бронёй.

Перспективы реализации этой темы Балясников обсудил с Викуловым.

– Ну что, Егор, рискнём?

– И колетса, и хочется... – почёсывая подбородок, размышлял Викулов. – Однако, если информация от Глотова верна, тогда мы просто обязаны отреагировать.

– А что если нас хотят подставить?

– Всё может быть...

Решающим аргументом стала информация о человеке, которого Глотов предложил использовать в качестве объекта для оперативного эксперимента. Оказалось, что этот Дынин несколько лет курировал фонд «Благо», обеспечивая его без-

опасность. Если Дынина как следует прижать, тогда он многое сможет рассказать о том, что происходит в фонде. Тут всё сошлось так, что уже невозможно отказаться от задуманного. Кто же мог предположить, что «старший брат» их переиграет?

Передача заранее оговорённой суммы происходила в кафе недалеко от Маросейки. Оперативник, исполнявший роль владельца торгово-посреднической фирмы, в точности следовал разработанному плану и вот уже полчаса жаловался на трудности бытия, мол, в этом мире не прожить без надёжной «крыши». Но вскоре Дынину эти разговоры надоели:

– Ну что заладил? Мы эту тему обсуждали в прошлый раз. Так с чем пришёл?

Оперативник положил на стол конверт и подтолкнул его ближе к Дынину.

– Сколько там?

– Всё, как договорились. Десять штук.

Казалось бы, можно брать Дынина с поличным. Дело за малым – надо только дождаться, когда он конверт с деньгами сунет в свой карман. Но не успели сотрудники ГУЭБ что-то предпринять, как в кафе ворвались вооружённые люди в камуфляже, положили всех на пол, и только «коммерсант» с Дыниным замерли под прицелом автоматов, да ещё девица со смартфоном за соседним столиком – судя по всему, она фиксировала все стадии этой операции с самого начала.

Глава 9. Закон и справедливость

Уже гораздо позже, когда Егору предъявили обвинение в организации преступного сообщества, он попытался связать одно с другим. Что же это получается? Выходит, изобличение жуликов становится преступным, как только ставятся под удар интересы влиятельных людей, имеющих связи в высших эшелонах власти. Чем-то это напоминает средневековые времена, когда каждый крупный феодал содержал собственную армию и при её поддержке расширял своё могущество. Однако при возникновении необходимости защиты интересов государства эта армия становилась опорой короля. Вот и теперь есть вооружённые формирования, которые вроде бы предназначены для борьбы против внутренних и внешних врагов, но между делом служат нынешним князьям, если те готовы по достоинству оценить их усердие и преданность. По сути, ничего не изменилось – видимо, потому что такова природа человека.

Егор вспомнил слова Оси Губермана – Элен записала все их разговоры на диктофон. Так вот однажды, когда Ося решил поделиться своими сокровенными мыслями, он сказал, что бизнес – это и есть жизнь, в этом и состоит смысл существования всего рода человеческого и каждого из людей в отдельности. Тут можно было бы обойтись без комментариев, ну разве что признаться в том, что некоторые особи по-

просту неисправимы, хоть посади их в дурдом или отправь по этапу на лесоповал в сибирскую тайгу.

Вполне логично, что дело об отчуждении федеральных земель было списано в архив, а всем, кто так или иначе имел отношение к этому расследованию, попросту заткнули рот. Но самое интересное событие произошло через пять дней после ареста Егора – начальника того самого Мосина, которого задержали оперативники ГУЭБ, отлучили от «кормушки» и перевели на менее значимую должность. Выходит, в результате оперативного эксперимента Кошкин тоже пострадал, но это однозначно указывало на истинную подоплёку того спектакля, который разыграли, чтобы унять инициативных оперов ГУЭБ и их вконец «оборзевшего» начальника.

Самое время обратиться к Господу – так Егор делал уже не раз, когда его желание сделать всё по справедливости вступало в противоречие с решением суда. Когда посадили Аникеева, Господь сослался на апостола Петра, мол, только он ведаёт отпущением грехов. Но чем же занимается Фемида, богиня права, обязанная следить за соблюдением законов? Почему молчит Дике, богиня справедливости?

Что это было – то ли сон, то ли галлюцинация после длительных допросов? Так или нет, но Егор оказался лицом к лицу с двумя богинями – Фемида в чёрной мантии, а Дике в свободной, словно бы струящейся голубой тунике. Что удивило – в руках Фемиды карающий меч и примитивные рычажные весы, ну а другой богине достались крохотная гирь-

ка и безмен. Как это может быть? И для чего? Неужто для того, чтобы одних судить по справедливости, а других – по какому-то закону, придуманному неизвестно кем?

Фемида сняла повязку с глаз, меч и весы отложила в сторону – и впрямь, надо бы сначала разобраться в этом деле, а уж потом, взвесив аргументы «за» и «против», выносить свой приговор. Вот и Дике последовала её примеру, а Егор словно бы в рот воды набрал, молчит. Всё потому что не знает, как поступить в этой ситуации – прежде не приходилось общаться накоротке с очаровательными женщинами, имеющими столь высокий статус. Всё больше мошенницы попадались вроде Василисы.

Видимо, богини поняли, в каком он находился состоянии, и не стали дожидаться, когда что-то изречёт.

– Ну что, Егор, по самые уши вляпался! – криво усмехнувшись, молвила Фемида. – И как ты мог так поступить? Опозорил честь работника МВД, подняв руку на самое святое...

– Вы о чём?

– Так о законе, который регулирует оперативно-розыскную деятельность. А ты действовал вопреки ему.

– Да не было этого?

– Как же нет? Устроил провокацию против уважаемого человека.

– Но он же согласился деньги взять...

– Да мало ли что он сказал! Его слова в данном слу-

чае ничего не значат. Вот если бы взял деньги, положил на свой счёт в банке или иномарку какую-то купил, тогда другое дело. Тогда можно упрекнуть его в корыстном умысле, а так... Может, он собирался сдать валюту представителям спецслужб? – тут Фемида изобразила лукавую улыбку на лице и развела руками. – Собственно говоря, так оно и получилось.

– И что я должен был предпринять, если они жуликов «крышуют», помогают отмывать нелегальные доходы, выводить эти средства за рубеж?

– Не лезь туда, куда не просят! Доложил бы начальству, так и так, есть сведения, будто в одном из подразделений ФСБ работают люди вроде бы нечистые на руку. Новосельцев связался бы с тамошним директором, ну а тот...

– Так ведь об этом давно газеты пишут, а воз и ныне там!

– Значит, доказательств недостаточно.

– Вот я и хотел эти доказательства добыть. Для того и дал команду провести оперативный эксперимент и вывести на чистую воду взяточника.

– Опять ты за своё! – Фемида тяжело вздохнула, словно бы еле сдерживая желание прекратить ненужные прения и тут же вынести суровый приговор. – Ну сколько можно одно и то же повторять? Вот уж не думала, что ты такой упёртый! Вроде бы генерал, а рассуждаешь, как подросток. «Хотим перемен» и всё такое... А того не понимаешь, что мир существует по своим понятиям, которые тебе при всём ста-

рании не изменить.

Егор молчал, поскольку так и не нашёл аргументов, чтобы возразить Фемиде. На помощь ему пришла богиня Дике – защищать не стала, но вроде как попыталась разобраться, почему такая неприятность с ним случилась:

– А меня вот что удивляет. Ты же опытный оперативник, в Следственном комитете твой портрет с доски почёта не снимали. Ещё и сорока нет, а уже генерал. И вдруг глупейшим образом попался! Неужели забыл, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке?

– Ну кто же мог предположить, что все там заодно? Ведь операция проходила под контролем «эмщиков»! Выходит, мне устроили ловушку...

– Наконец-то до тебя дошло! – в словах Дике явно слышалось сочувствие. – Пора тебе понять, что есть такие сферы, куда не следует соваться без поддержки.

– Надеялся, что Новосельцев защитит в случае чего, да и Тортенберг поможет.

– Ты ещё наивнее, чем я предполагала. Ну как можно полагаться на таких людей? У каждого из них свой интерес, а ты лишь крохотный винтик в огромном механизме. С какой стати ты возомнил себя спасителем, избавителем от скверны, если даже боги не в силах с этим справиться? – и уже с отчаянием в голосе Дике прокричала: – Ну зачем туда полез?!

Что тут скажешь, если боги признаются в неспособности что-то изменить? Остался последний аргумент:

– А как же справедливость? Это же ты должна отчитываться перед Господом за то, чтобы соблюдались основные права жителей Земли.

– Увы, всем не угодишь.

– Это потому что у тебя такая крохотная гирька для противовеса.

– Другой не нашлось.

– Вот и получается, что справедливость соблюдается только в мелочах. А в остальных случаях ты обращаешься к Фемиде.

– И что тут странного?

– Так она же по-своему интерпретирует законы. В одном случае говорит, что это провокация, а когда устраивают ловушку для меня, оказывается, что всё сделано, как надо.

Тут уж не выдержала Фемида – схватила меч, да как рубанёт им! Егор еле успел отскочить, а Дике бросилась к мамаше, чтобы успокоить:

– Родная, он не ведает, что творит. Надо дать ему время прийти в себя. Вот поразмыслит в спокойной обстановке, тогда и поймёт, что был не прав.

– Это что ж ты предлагаешь? Ждать, когда покается? А что скажут на Олимпе? Поползут слухи, что с работой не справляюсь, не способна выполнить приказ. И всё, отправят твою мать куда подальше!

– Ой, мне и тебя жаль, и он мне симпатичен...

– Вот чего надумала! Ты выкинь эти мысли из головы, а

не то заведём дело и на тебя за использование служебного положения в личных целях.

Дике замолчала – похоже, испугалась, что и весы отберут, и гирыку. И кто тогда будет защищать справедливость? А Фемида разошлась:

– Вот ты сидишь, Егор, передо мной, будто ещё надеешься на что-то. Когда же, наконец, поймёшь, что всё уже решено, а ты отнимаешь время у занятых людей. Ну сколько можно с тобой нянчиться? Признайся в том, что хотел оклеветать уважаемых людей и разойдёмся по-хорошему.

– Зачем же валить всё с больной головы на здоровую?

– Нет, я так больше не могу!

Фемида, чтобы снять возбуждение, забегала по комнате, а затем вдруг остановилась и всплеснула руками – как-то уж очень по-бабьи у неё это получилось:

– Да что же это я? Чуть не забыла, – затем суровым взглядом посмотрела на Егора, и вот произнесла слова: – А ведь из-за тебя твой дружок Балясников погиб.

Даже в кошмарном сне Егор не мог подобное представить...

– Как?!

– Выбросился из окна Следственного комитета, когда вели на очередной допрос.

Глава 10. На зоне

Впереди был долгий срок в колонии строгого режима. Но кое в чём Егору повезло – эта «зона», в основном, предназначенная для бывших сотрудников полиции и прокуратуры, находилась недалеко от Москвы, так что Элен могла регулярно его навещать. Работы в колонии на всех не хватало, поэтому Егор пристрастился к чтению – изучал историю второй мировой войны, анализировал детали военных операций, а Элен привозила ему нужные книги. Но как-то раз во время прогулки встретил странного мужика – череп лысый, зато огромная седая борода. Надень на него картуз и кафтан, подпоясанный верёвкой, и тогда уж точно не отличишь от классика – ну, вылитый граф Толстой. Там, за колючей проволокой подобных персонажей, наверное, уже не встретишь, да и в колонии этот зэк по прозвищу Фома держался особняком – даже на прогулке, если есть возможность, садится и читает – похоже, и спит в обнимку с книжкой. На этом они и сошлись.

В отличие от Егора, Фома отдавал предпочтение не военной истории, а философии и экономике. Макиавелли, князь Кропоткин, Михаил Бакунин, Фрэнсис Фукуяма, Сэмюэл Хантингтон... Благодаря помощи друзей с воли ему удалось собрать богатую библиотеку из трудов, в той или иной степени посвящённых одному из самых страшных явлений на-

шего времени – коррупции. Причина этого увлечения была непосредственно связана с пребыванием Фомы в исправительно-трудовой колонии. Дело в том, что Терентий Павлович Фомин, профессор юрфака одного из престижных университетов, направил в правительство аналитическую записку, в которой на конкретных примерах была показана роль семейственности и кумовства в разрушении моральных устоев общества. Убедившись в том, что его записку «положили под сукно», профессор написал книгу и через знакомого редактора добился её опубликования. Тут и началось!

Власти всполошились, уже когда весь тираж разошёлся по рукам. Наверняка кое-кто пожалел об отсутствии цензуры в книгоиздании. По инициативе фракции коммунистов в Госдуму был внесён законопроект о возрождении Главлита, ну а профессора обвинили в клевете на уважаемых людей и по приговору суда отправили на перевоспитание в колонию. Эта грустная история мало чем отличалась от того, что выпало на долю Егора. В сущности, Фома тоже устроил провокацию – надеялся, что публикация книги вызовет резонанс в обществе, а когда против него возбудят уголовное дело, возмущение жителей России заставит власти мобилизовать все силы для борьбы против кумовства и разъедающей общества коррупции. Наверное, так бы оно и случилось, если бы профессор был завсегдатаем телевизионных ток-шоу или хотя бы придерживался либеральных взглядов. Да и тираж книги был мизерный – всего три тысячи. Неуди-

вительно, что злоключения ещё одного правдоборца не вызвали сочувствия ни в России, ни за рубежом. Даже нанятый им адвокат только беспомощно пожал плечами после вынесения обвинительного приговора:

– А чего вы ждали? В вашем возрасте пора бы уже понять, в какой стране живём.

Фома не мог согласиться с этим утверждением, поэтому, уже оказавшись на зоне, поставил перед собой цель – разобраться в истоках коррупции и найти способы устранения этого явления из нашей жизни. Егора эта идея заинтересовала – прежде он считал, что эффективны только карательные методы, но кто знает, возможно, Фома что-нибудь ещё изобретёт.

– А вот скажи, Фома, почему одни люди соблюдают нравственные нормы, принятые в обществе, а другим на всё на это наплевать?

– Тут дело в том, сохранилось ли в человеке доброе начало или под давлением обстоятельств со временем угасло. На этот счёт выдвигались разные гипотезы. К примеру, князь Кропоткин полагал, что нравственные начала присутствуют во всём животном мире, и именно они стали истинным двигателем эволюции.

– Но ведь и дикие звери, и человек подчиняются инстинктам. Инстинкт продолжения рода, инстинкт самосохранения... А вот инстинкта, который бы отвечал за нравственность, нет.

– Я тоже считаю, что Кропоткин ошибался. Однако человек, в отличие от других обитателей Земли, способен на время подавлять свои инстинкты, следуя неким нравственным принципам, которые заложены в него воспитанием или возникли на основе жизненного опыта. Проблема в том, что он не обязан использовать эту способность, особенно, если нравственные принципы вступают в непреодолимое противоречие с основными инстинктами, на которых основано существование рода человеческого. Тогда приходится выбирать, и выбор далеко не всегда оказывается в пользу высоко-нравственного поведения.

– Так что же делать?

– Надо найти способ, как разрешить это фундаментальное противоречие.

– Легко сказать – найти...

– Ты прав, коррупция существует многие века, и никто до сих пор не предложил надёжного способа, как от неё избавиться. Метод устрашения не сработал. Повышение зарплат чиновникам тоже малоэффективно. Была попытка материально стимулировать доносчиков, но провалилась из-за недостатка средств на выплату вознаграждений.

Тут Егор решил высказать догадку, возникшую после того, как телевидение все уши прожужжало про пандемию, про вирусы, про их мутацию.

– Мне иногда коррупция представляется в виде вируса, который приспосабливается к окружающей среде. Какой бы

способ борьбы ни изобретала власть, он мутирует и благополучно выходит из-под удара.

– Очень точное сравнение! – поддержал эту мысль Фома.

– Но тогда нам его не победить. Если проводить аналогию с природой, то ситуация безрадостная. Стоит медикам создать лекарство против одного вируса, как на его место приходит другой, нередко более опасный. Такое впечатление, что природа обозлилась на людей, мстит нам за то, что мы пытаемся приспособить её под свои собственные нужды.

– С коррупцией всё несколько иначе. Её невозможно искоренить, поскольку она в какой-то степени устраивает власть. А всё потому, что в нынешних условиях невозможно управлять государством, не позволяя чиновникам тем или иным способом использовать служебное положение в корыстных целях. Конечно, тем, кто зарвался, вышел за допустимые пределы, дают по рукам. Но вот представь, что чиновник, занимающий ответственную должность, приносит значительную пользу государству. Тогда на его «шалости» стараются не обращать внимания, при том условии, что они не наносят явного ущерба экономике. Ну а нравственная сторона мало кого теперь волнует.

– Получается так, что чиновник вынужден все силы отдавать работе только для того чтобы не потерять доходное место...

– В том-то и парадокс! Лиши его этой нелегальной надбавки к зарплате, и он уйдёт на солидную должность в коммер-

ческую фирму. Понятно, что там гораздо меньше возможностей работать на свой карман, но зато зарплата выше, если высоко поднялся по карьерной лестнице.

– Замкнутый круг?

– Что-то вроде этого. Кстати, пытаюсь разорвать этот порочный круг, кое-кто на Западе доходит до маразма. К примеру, предлагают ликвидировать чиновников как класс, мол, тогда и взятку будет некому давать...

– Да уж, смешно, когда бы не было так грустно.

Тут Фома задумался – видимо, сомневался, стоит ли говорить... Но вот решился:

– Знаешь, Егор, есть у меня последняя надежда. Это надежда на генетиков. Только они смогут изменить к лучшему природу человека. Вот если встроить в ДНК человека некий ген, ответственный за нравственность, тогда...

В генетике Егор не разбирался, о методах улучшения работы карательных органов с Фомой бесполезно говорить. Поэтому брякнул, не подумав:

– А я вот слышал мнение, что необходимо больше уделять внимания нравственному воспитанию...

Фома даже подскочил на месте:

– Утопия! На это потребуются сотни лет, причём нет никакой гарантии, что, оказавшись перед сложным выбором, человек совершит нравственный поступок.

Примерно на такой же грустной ноте заканчивался каждый их разговор. А впереди были долгие годы жизни за ко-

лучей проволокой, но кто знает, возможно, профессор ещё что-нибудь придумает.

Глава 11. Ход конём

Зэки не имели доступа к интернету, поэтому приходилось довольствоваться тем, что сообщали федеральные телеканалы. Источником более подробной информации стала Элен – свидания с ней разрешали довольно часто. Эти короткие встречи проходили втайне от остальных зэков и большей части персонала – и то лишь благодаря расположению начальника колонии. Возможно, он и впрямь испытывал симпатию к бывшему генералу, который осмелился пойти против всемогущей ФСБ, либо Тортенберг подсуетился, проплатив такое отступление от правил.

И вот они сидели в комнатке для свиданий, и уже в который раз Элен завела разговор о том, что двадцать лет – это огромный срок и надо что-то предпринять, чтобы выволить Егора из колонии. Говорили тихо, боясь, что их подслушают, но когда Элен предложила организовать побег, Егор прикрикнул на неё так, что стены задрожали:

– Ты что, совсем сдурела?!

Подобных слов Егор никогда себе не позволял, но тут простой логики было недостаточно – нужны радикальные методы, чтобы напрочь выбить из её головы всю эту хрень. Впрочем, увидев реакцию Элен, Егор понял, что перестарался:

– Родная, выкинь эти мысли из головы!

– Но я так не могу! К тому времени, когда ты выйдешь,

я уже состарюсь...

– Я всё равно не перестану тебя любить. Да и свидания нам пока что позволяют.

– Вот именно, пока. А если сменится начальник?

– Тогда что-нибудь придумаем.

– Будешь слать мне воздушные поцелуи, а я, стоя где-то там, за забором, буду ловить дуновения ветерка, несущие мне весточку от тебя...

Элен улыбалась, но видно было, что вот-вот заплачет. Поэтому Егор поспешил уйти от лирики:

– С Савеличем не обсуждала эту тему?

– Говорит, что надо пождать. Возможно, настроения там, в верхах когда-нибудь изменятся, – Элен замолчала, а потом, словно решившись высказать то, над чем уже много думала, прошептала: – Может быть, обратиться с просьбой к Идельсону?

Егор так и отпрянул от неё, еле сдерживая раздражение:

– Ни в коем случае! От него я никаких подачек не приму.

Но у Элен был заготовлен и другой вариант:

– А что если воздействовать на Софочку? У меня же сохранилась запись её беседы с Василисой.

Такого поворота Егор не ожидал:

– Как? Откуда она у тебя?

– Это ты у нас такой доверчивый, по-прежнему веришь в торжество закона, в справедливость. А я этой веры уже нахлебалась, поэтому стараюсь подстраховаться на всякий слу-

чай. Вот и материалы с флэшки скопировала, когда ты принёс её тем вечером домой.

– Но это же опасно!

– Не бойся, не найдут.

Егор задумался. Конечно, эту запись можно как-нибудь использовать. К примеру, передать в СМИ. Но дело кончится тем, что отменят свидания или посадят в карцер недели на две. Да и Элен достанется... Нет, тут нужен более тонкий, изощрённый ход.

Через неделю, когда снова встретились, у Элен был готов новый вариант:

– Скоро будет Большая пресс-конференция, ну ты понимаешь... Я проникну туда под видом журналистки и задам вопрос...

– Кто же тебя пустит?

– Знакомые фирмачи из Штатов наверняка помогут. Ты же помнишь, когда они приезжали в Москву, я при них была вроде переводчицы, так что контакты установились неформальные, разве что семьями не дружили. Один даже замуж звал, – Элен улыбнулась и уже более серьёзным тоном продолжала: – Ну вот, они организуют мне аккредитацию, к примеру, от Ассошиэйтед Пресс, а уж я замаскируюсь так, что на пресс-конференции никто не сможет признать во мне жену опального генерала.

– Да уж, американцев хлебом не корми, дай только защитить жертву «кровавого режима», – Егор, раздумывая, пока-

чал головой, а затем высказал свои сомнения: – Ну допустим, что задашь ты свой вопрос. И что надеешься услышать? Что генерал создал ОПГ с целью продвижения по службе? А то и вовсе скажет что-нибудь похлеще этого, мол, собирался захватить власть в стране. Ну и отправят меня прямиком в Мордовию...

– Но что-то надо делать! В моих руках убойный компромат, который может разрушить всю эту систему...

– Не преувеличивай, Элен, коррупцию таким образом не уничтожить. Но вот скостить мне срок они должны, надо только такую комбинацию придумать, чтобы сработало наверняка, – и после паузы процедил сквозь зубы: – Да, я попался в хитрую ловушку, но теперь обязан их переиграть!

И вот что предложил Егор:

– Слабое их звено – это прожорливая Софочка. Вот на неё и постарайся надавить. Но прежде надо подготовиться. Во-первых, достать опись драгоценностей, изъятых у Василисы три года назад во время обыска. Во-вторых, узнать у неё, какие «брюлики» перекочевали в коллекцию Софьи Павловны.

– Ну, с Василисой я договарюсь, но как быть с описью?

– В Следственном комитете есть ещё достойные люди, не откажут в помощи. Снимут копию и передадут тебе. Я подскажу, к кому нужно обратиться.

– А дальше?

– Дальше предстоит самое трудное, над этим ещё предстоит помозговать. Надо договориться о встрече с Софочкой,

желательно, чтобы никто об этом не узнал, и тогда...

– Я поняла! – вскричала радостно Элен и тут же снова перешла на шёпот: – Сначала я предъявлю ей аудиозапись, а потом...

– Потом, если она будет упираться, намекнёшь, что в интернете может появиться статья о том, как Василисе удалось получить разрешение на прогулки по бутикам, хотя она находилась под арестом, и более того, по сути, спастись от наказания, получив за свои деяния мизерный срок. Если и это её не проймёт, предъявишь Софочке копию описи, где будут отмечены те драгоценности, которые теперь оказались у неё.

– Прекрасный план! Тогда уж не отвертится! Я буду настаивать на том, чтобы отменили приговор и немедленно тебя освободили.

– Элен, не строй иллюзий! Представь, как все они будут выглядеть после этого... Нет, пусть найдут какие-то нарушения на стадии следствия или в то время, когда дело уже слушалось в суде. Ну и на этом основании сократят срок хотя бы вдвое. А если изменят статью на более лёгкую, тогда я смогу рассчитывать на освобождение по УДО.

Теперь всё зависело от того, как Элен сумеет воплотить в жизнь разработанный Егором план. В обиходе это называется не слишком благозвучно – шантаж. Человек, непривыкший к такому методу воздействия, может испытать шок, если на него как следует надавить. Вроде бы всё тихо и спокойно, и вдруг... Вдруг появляется некто и вызывает из памяти то,

что хотелось бы забыть, упрятать в самые глубины подсознания – хотя бы для того, чтобы не проболтаться ненароком. Так что реакция Василисы на слова Элен была абсолютно предсказуема:

– Вот уж от Егора я такой подлости никак не ожидала! Ведь обещал...

– Он сейчас не в том положении, чтобы соблюдать приличия и следовать нормам морали. Но вам, Василиса, не стоит беспокоиться...

– Да Софочка наверняка мне отомстит!

– Не посмеет! Это я беру на себя, но при условии, что вы мне поможете.

– Опять?! Как же мне не повезло, нарвалась на семейку шантажистов...

– Напрасно вы нас оскорбляете. Вспомните, кому обязаны столь мягким приговором. Если бы не Егор, никакая Софочка и пальцем бы не пошевелила. Так что, давайте, договаривайтесь о встрече.

– А что потом?

– Это уже не ваше дело.

В своём письме, отправленном по интернету, Василиса снова намекнула Софочке на ответную любезность, если подруга сможет ей помочь. Софочка тут же согласилась на встречу. Ну как можно отказать, если «брюлики» из баулов Василисы словно бы сами в руки просятся.

К счастью, Василиса и Элен были примерно одного ро-

ста. Глаза у обеих голубые, щёки нетрудно изменить, засунув в рот тампоны, брови придётся сделать накладные, а более полное сходство обеспечит умелый макияж. Вот только с фигурой пришлось изрядно повозиться – Элен купила бюстгальтер, какой бывает только у кормящих матерей, а талию увеличила, обмотав её мохеровым шарфом. Главное, чтобы охранники признали, если те же самые, что в прошлый раз.

Когда смотришь в дверной глазок, трудно выявить различия между оригиналом и искусно сделанной подделкой. Ну а после того, как откроешь дверь, уже невозможно повернуть время вспять. Всё потому, что Элен первым делом предъявила флэшку:

– Не желаете послушать?

Софочка собралась позвать охрану, но внутреннее чувство подсказало, что не следует спешить.

– И что же там?

– Там очень интересный разговор. Если эта запись попадёт в СМИ или в интернет, тогда многие узнают, кто помог Василисе избежать заслуженного наказания, и самое главное, станет известно, сколько это стоило.

В голове Софочки мигом пронеслись воспоминания о прошлой встрече с дальней родственницей. Многое она уже забыла, да и незачем всё это вспоминать, тем более, что была в тот раз слегка пьяна. Неужели лишнего наговорила? Впрочем, можно попытаться доказать, что запись сфабрикована. Да и Василиса не признается... Кому же хочется опять по-

пасть в тюрьму? А вот подаренные ею драгоценности... Ох, как не хотелось бы их потерять! Да и скандал, конечно, ни к чему...

– Так чего же вы хотите?

Глава 12. О пользе воздержания

На следующий день в гостиной шикарного особняка на окраине Москвы должно было состояться совещание, что-то вроде «совета в Филях». Поначалу их было только двое, они сидели молча, даже не глядели друг на друга. Чувствовалось, что им не о чем говорить – всё уже сказано и пересказано, и не хотелось снова начинать теперь уже совершенно бессмысленные разговоры о том, кто больше виноват в том, что случилось. Тихо было и за окном – ни пения птичек, ни цикад. Природа словно бы затаилась в ожидании некоего грандиозного события. Однако и ей самой вроде бы ещё не ясно, то ли это будет катастрофа, то ли напротив – избавление...

Наконец, по лестнице, ведущей на второй этаж, спустился сам хозяин дома.

– Господа! Я собрал вас, чтобы вы первыми узнали о моём решении, – Антон Евгеньевич немного помолчал, видимо, собираясь с духом. – Так вот, в нынешней ситуации я не вижу иного выхода, кроме как подать в отставку.

Вряд ли кто-нибудь взял бы на себя смелость описать ощущения, которые испытали гости Антона Евгеньевича после сказанных им слов. Потому что заглянуть на дно того колодца, где сейчас обитало их сознание, не каждому дано. В меньшей степени это относилось к Идельсону – он уже «наварил» приличный капитал, и хотя в перспективе было не

совсем то, на что рассчитывал, но и тут успел подсутиться. Так что сможет обеспечить себе достойное существование. Это если удастся избежать тюрьмы...

Куда хуже могло всё обернуться для Либерзона. Потеря должности, попадание в «чёрный список», что-то вроде запрета на профессию. В лучшем случае – должность директора в мытищинском НИИ. И всё потому, что именно он стал инициатором возбуждения уголовного дела против генерала, что обернулось в итоге, если не провалом, то... В общем, они оказались «на крючке», а это грозило массой неприятностей и уж, конечно, такая ситуация не прибавит им здоровья. И что из того, что во всём виновата Софья Павловна? Даже если рука поднимется, чтобы её в чём-то обвинить, толку от этого... ну просто никакого! И остаётся лишь признать, что их переиграли.

Антон Евгеньевич тоже переживал не лучшие минуты. Сердце буквально кровью обливалось, когда он представлял, чем может это закончиться для его друзей, для тех, кто поддерживал в последние годы. Ну что тут поделаешь, если не хватило сил, не сдюжил! Да честно говоря, он никогда не хотел в этой роли оказаться – ни в роли ферзя, ни в роли короля. Можно и так всё объяснить – уговорили, обманули! Потом и сам понемногу стал обманываться. Уж очень приятное это занятие – представлять себя спасителем нации, покровителем униженных, эдаким новым Моисеем, ведущим народ к светлому будущему, к процветанию. Однако не сбылось!

Теперь он находился на распутье – либо уйти в оппозицию и там продолжать борьбу, либо отправиться послом куда-нибудь в Зимбабве. Проблема в том, что он не знал истинного положения дел – Софочка не догадалась взять у этой аферистки флэшку. Если у них есть реальный компромат, тогда любое резкое его телодвижение может привести к фатальному исходу. Тогда заработает огромный маховик, и ему будет уготована участь, если не Кайманского, то где-то близко к этому – ну что-то вроде пожизненного заключения в собственной квартире. Вот это теперь и следовало прояснить: что у них есть и насколько это для него опасно?

Первым нарушил молчание Идельсон:

– Антоша! По-моему, всё не так безнадежно, как нам кажется.

– Брось, Михаил! Если Дума создаст парламентскую комиссию, тогда дело швах. Там такого могут накопать! И то, что было, и чего даже в мыслях никогда не появлялось.

– Да уж, они на всё способны. Опять же у них в Думе большинство, – присоединился к разговору Либерзон.

Снова помолчали. Антон Евгеньевич всё думал, как бы осторожно затронуть тему компромата. Софочку не удалось разговорить – сказала только, что надо пересмотреть дело генерала, иначе будут большие неприятности. А спросишь, в чём там дело, кому что разболтала, она тут же в слёзы... Понятно, что связь с фондом «Благо» трудно утаить, когда чуть ли не каждую неделю отдыхаешь в Любовке, но одно

дело рассказы обнаглевших журналюг, и совсем другое, если появились доказательства его деловых связей с Идельсоном. Кто знает, возможно, записали их переговоры, но это было лет семь назад. Чего ж так долго ждали?

В свою очередь, гости Антона Евгеньевича, проанализировав сложившуюся ситуацию, так и не решили, стоит ли сообщать о том, что выяснили сотрудники управления «М». Оказалось, что Софью Павловну накануне вечером посетила некая дама – было это на квартире, которую не охраняет ФСО, так что личность дамы установить не удалось. Судя по всему, эта встреча и стала причиной той истерики, которую Софья Павловна закатила, когда муж вернулся домой. Уж если эта «железная леди» прослезилась, тогда вывод однозначен – кому-то стало известно, как Идельсон стал миллиардером и почему фонд «Благо» выбрал такой необычный, можно сказать, уникальный объект для благотворительности. И вот теперь дошло до того, что он, то есть Антон Евгеньевич, готов подать в отставку.

Тут следует иметь в виду, что сам «виновник торжества» в те годы, когда всё началось, делами почти не занимался, оставаясь на своём посту чем-то вроде королевы-матери, которая обязана позировать перед телекамерами и демонстрировать свою заботу о народе. Только давал указания: обеспечить, помочь, а обо всём остальном, то есть о конкретике, Идельсон договаривался сам. Поэтому следовало ожидать такого вопроса, обращённого к гостям: «Где же это вы,

голуби мои, так напортачили?»

Наконец, Антон Евгеньевич решился:

– У меня такое предложение. Давайте отмотаем всё назад, посмотрим, что было сделано не так. Тогда наши потомки, даст бог, смогут избежать апокалиптических ошибок.

– Ты уж очень трагично излагаешь всё, Антоша, – не согласился Идельсон. – Из любого положения есть выход.

– Нам с тобой уж точно ничего не светит. Вот Яша – этот выкрутится, если очень повезёт.

– Да мне без вас и жизнь не в радость, дорогой Антон Евгеньич! – зашмыгал носом Либерзон.

– Спасибо, Яшенька!

Премьер расчувствовался, стали вспоминать о первых встречах, когда только появилась идея модернизации страны, когда начали сколачивать своё ядро во власти – либералов «наверху» всегда хватало, но раньше каждый думал только о себе. А тут объединили всех одной идеей. Как же они радовались, когда что-то получалось! Самое трудное заключалось в том, чтобы дискредитировать других кандидатов на должность президента. Для этого дела любые методы годились – даже подставы на дороге.

– А помните, как ловко получилось с тем сынком? Попал вроде бы случайно в ДТП, там женщина какая-то пострадала, а у папаши сразу рейтинг рухнул. Куда ему в преемники с таким пятном? – ухмыльнулся Либерзон.

– С Дубковым тоже удачно всё сложилось.

– Я что-то не припомню, – Антона Евгеньевича и прежде подводила память.

– Это была личная инициатива Яши. Нашептал кому надо, что избиратель не поймёт, если Дубков станет президентом, а зять при нём останется министром обороны. Но что ещё опаснее – захочет ли Дубков отдать власть через четыре года, если вся армия будет за него?

– Уверен, это опасение и сыграло основную роль.

– А что было с Черкашиным? – поинтересовался Идельсон.

– Там всё гораздо проще, – со знанием дела взялся разъяснить ситуацию Антон Евгеньевич. – Он из системы МВД, а у гэбистов до сих пор есть опасение, как бы прежняя неприязнь не возникла с новой силой. В общем, они и отговорили, естественно, не без моего участия.

– Да, слишком борзый. Это ведь он настаивал на пересмотре итогов ельцинской приватизации.

– Ну, у самого Черкашина тоже рыльце в пушку. Помните, три месяца он был во главе правительства? – напомнил Либерзон.

– Разве? А я уже забыл, очень уж короткий срок.

– Но даже этого крохотного срока вполне хватило, чтобы тот банк, где работала его жена, сделал несколько весьма выгодных приобретений в самом центре Москвы. Ну а жена нашего героя увеличила свой пакет акций банка сразу в несколько раз и стала мультимиллионером. Такая вот зани-

мательная арифметика.

– Да ладно тебе, Яша! Чего привязался к людям? Никто ведь не упрекает твою Нелю в том, что она богаче тебя. Так что давай родню не будем трогать.

– Ты прав, Михаил! – поддержал соратника Антон Евгеньевич. – Женщины это святое! Что касается Черкашина, как я припоминаю, он здорово репутацию себе испортил, когда своих аудиторов натравил на госкомпанию.

– Да, этого ему не простили до сих пор. Пожертвовал репутацией, а толку кот наплакал. Разве что на последнем деле отыгрался.

– Ты о махинациях в военном ведомстве? Так ведь на Федюкина всем скопом генералы навалились, очень уж он всех достал. А в результате только его дамы пострадали.

– Да уж, известно – женский батальон. У Аркаши губа была не дура, умел себе кадры подбирать.

Помолчали. Конечно, разговор о женщинах мог бы продолжиться по известной всем колее, но только не в этих обстоятельствах.

– А вот странно! – обратился к собравшимся Антон Евгеньевич. – Ведь никого из важных лиц ни по одному из коррупционных дел он так и не счёл нужным наказать.

– Не решился, так оно точнее, – усмехнулся Идельсон. – Да потому что не хотел плодить себе врагов. Думаю, только благодаря этому и держится у власти.

– Мне кажется, враги тут ни при чём. Он больше опасает-

ся обиженных.

– Так ведь от обиды до вражды... Тебе, Антон, это лучше нас известно.

– Пожалуй...

Антон Евгеньевич не стал дальше развивать эту тему. Хотя здесь были все свои, снова берeditь раны, вспоминать об унижении – нет, сейчас это вовсе ни к чему. У него так и не возникло желания покаяться, признаться в том, что не оправдал возлагавшихся на него надежд, не сделал то, что обещал уходящему президенту накануне выборов. Тут ничего не поделаешь, поскольку есть вещи более важные, чем честь или мужская дружба. Это не он сказал, но кто же станет отрицать, что истина всего дороже?

Снова немного помолчали. Каждый думал о своём. Либерзон о том, допустит ли жена к управлению активами, которые он вынужден был записать когда-то на неё. Идельсон прикидывал, кого бы ему теперь прикормить в правительстве, ну а Антон Евгеньевич своих мыслей не скрывал:

– Честно говоря, до сих пор удивляюсь, как же он решился сделать ставку на меня?

– Ты о чём? – не сразу понял Идельсон.

– Я о предпоследних выборах.

– Так больше никого и не было, кроме тебя и этих трёх.

– Нет, я слышал, что рассматривалась ещё одна кандидатура. Это нынешний московский мэр.

– Не может быть? Он же не из Питера, и с ГБ никогда

связей не имел. Они бы его никогда не пропустили.

– Да, так и случилось.

В сущности, Идельсону с Либерзоном только этого и надо было – увести разговор от скользкой темы. Если уж отмазывать назад, так постараться обойти вопросы дележа бюджетных денег, выделения кредитов нужным фирмам и так далее. Можно конечно поговорить, но ведь с этой бухгалтерией одна тоска – подобные разговоры только на любителя. Да и опасно – а вдруг опять кто-нибудь подслушает?

Когда уже вспомнили все приятные моменты из героического прошлого, Идельсон предложил вернуться к трагическому настоящему. Ведь, по сути, Антону Евгеньевичу предстояло войти в клетку льва, а вот удастся ли выйти невредимым – этого никто из них не знал.

– Я вот о чём думаю, – Антон Евгеньевич с надеждой посмотрел на своих партнёров, видимо, ожидая дружеской поддержки и доброго совета. – Вот, скажем, Федюкина он простил, Кайманского на свободу выпустил. Я бы ещё многих министров и бизнесменов тут упомянул, из тех, что избежали расплаты за свои «художества». Единственное исключение – Аникеев, но вам не хуже меня известно, почему он «сел». Так неужели сейчас не обойдётся без радикальных мер? Ну скажите откровенно, чем я хуже этого Федюкина?

Идельсон с Либерзоном покосились друг на друга – никто не решался высказаться первым. Но вот наконец-то Либерзон созрел:

– Видите ли, Антон Евгеньевич, в чём дело. Вся наша жизнь состоит как бы из двух основополагающих частей – это удовольствия и воздержание. И правда, нельзя же постоянно есть, тут могут быть самые ужасные последствия – ну что-то вроде заворота кишок. Так вот и в политике, и в бизнесе примерно то же самое – надо знать меру, свой предел, выше которого не стоит прыгать. Видимо, мы где-то это не учли...

– Всё верно, – согласился Идельсон. – Однако следует признать и то, что наши возможности были ограничены. У тебя, Антоша какая-никакая, но всё же власть, а мы с Яшей только на подхвате.

Лицо Антона Евгеньевича скривилось, словно бы проглотил какую-то гадость, которая может привести к несварению желудка.

– Как у тебя интересно получается, Михаил! Вот если появился выгодный заказ, финансируемый из госбюджета, ты тут как тут, ты самый первый. А как подсчитывать убытки, оказываешься ни при чём!

– Антон, дорогой! Ты меня не понял. Я готов компенсировать потери, само собой, в приемлемых объёмах. Когда всё успокоится, подберём тебе тёплое местечко, как-нибудь пристроим. Ну скажем, пост почётного вице-президента банка подойдёт?

– Ты издеваешься? Тут жизнь наперекосяк, а ты меня должностью банкира соблазняешь!

И опять, теперь уже надолго, в гостиной повисла тишина. Все думали об одном и том же, но только Антон Евгеньевич решился задать тот вопрос, от ответа на который зависело всё их дальнейшее существование:

– Так что же делать?

Идельсон посмотрел на Либерзона, и тому ничего другого не оставалось, как озвучить мысль, которая крутилась в голове у каждого из них с тех самых пор, как стали известны некоторые обстоятельства встречи незнакомки с Софьей Павловной.

– Тяжело это говорить, но придётся выполнить их требования. Скостим вдвое срок опальному генералу, а дальше всё пойдёт по наезженной колее...

– Но это же позор! – вскричал Антон Евгеньевич, и уже гораздо тише, словно бы опасаясь, что подслушают, обратился к гостям: – И как я буду выглядеть, когда сделаю такое предложение? Сначала умолял отправить его на пожизненное, а теперь... Так что, признаться в том, что совесть замучила вконец, грехи спать не дают?

– Нет, про совесть говорить не надо, не поймут. Спишем всё на ошибки следствия, а заодно подсадим Стрекалова, чтобы не очень-то о себе воображал. Главное в таких делах это первым донести свою интерпретацию событий. Тогда там, в Кремле примут решение, которое требуется нам.

– И что, теперь жить под дамокловым мечом?

– Думаю, что генерал сделает правильные выводы и

впредь не будет лезть на рожон.

– И всё равно, как же это неприятно!

Проводив гостей, Антон Евгеньевич снял туфли, надел домашние шлёпанцы и уселся в кресло у зажжённого камина. Мысли в его голове множились, сталкивались одна с другой, рождая новые догадки, которые и сформулировать-то не было возможности. Но все эти хаотично распределённые осколки мыслей в итоге вроде бы стали постепенно сходиться к одному:

«А может, Яша был прав, когда сказал о пользе воздержания? Чёрт меня дёрнул ввязаться в эту авантюру! Читал бы лекции в университете, подрабатывал консультантом в частных фирмах. Так нет, показалось мало. И вот вполне логичный результат. Но почему? То ли советники бездарные, то ли сам ни на что другое не гожусь. Да вот и Софочка пристала с ножом к горлу, мол, единственный приемлемый выход – это сократить срок генералу. Странная, однако, женщина – то чуть не силком тащила в эту мерзкую политику, настаивала на сделке с Идельсоном... И что теперь? Теперь еле удалось избежать грандиозного скандала».

Уже на исходе ночи Антон Евгеньевич пришёл к неоспоримому выводу: «Похоже, всё в этом мире устроено несправедливо. Одним – сплошные удовольствия, ну а другим...» Тут его окончательно сморил сон, и ход дальнейших мыслей проходил уже за пределами его сознания.

Той ночью не спал и опальный генерал. Как ни странно,

он тоже размышлял о справедливости. Допустим, суд пересмотрит приговор, и он выйдет на свободу... А что потом? Об этом Егор пока не думал – должно же к тому времени что-то измениться, тогда и будем делать выводы.